

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

אבי אבי
הי שחאי

ЧАЙНЫЙ ДОМ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

Материалы к лекции
Артура Клемперта
и чайной дегустации

Москва
ноябрь 2012 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

Высоцкий, Вульф Янкелевич

Вульф Янкелевич (Калман-Вольф, Калонимус Вольф) Высоцкий (8 июля 1824, Старые Жагоры – 24 мая 1904, Москва), купец 1-й гильдии, основатель одной из ведущих чайно-торговых фирм в России «В. Высоцкий и К°», еврейский филантроп и активист движения Ховевей Цион в России.

Биография

Родился в бедной еврейской семье Якова Высоцкого в местечке Старые Жагоры Ковенской губернии (сегодня Литва). Получил традиционное религиозное образование, и первоначально занимался торговлей зерна. Четыре года учился в Воложинской иешиве и с 1854 года учился у раввина Израиля Салантера основателю движения «хаМосар». Поселившись в Москве в 1858 году он основал знаменитую чайную фирму «В. Высоцкий и К°». Сделал большое состояние в этом бизнесе, и был назван «королем чая в России». В 1903 году Высоцкий контролировал 35% рынка чая в Российской империи.

Имел звание «Почетный гражданин Москвы» и «Поставщик Двора Его Императорского Величества».

Оказывал широкую поддержку еврейским организациям, писателям и еврейским интеллектуалам. Был дружен с писателем Ахад-ха-Ам (в 1907-1921 годах Ахад-ха-Ам возглавлял отделение чайной фирмы в Лондоне). Основал и поддерживал журнал «хаШилоах», где Ахад-ха-Ам был редактором. Много жертвовал на еврейскую колонизацию Палестины. Делал крупные пожертвования Обществу для распространения просвещения между евреями в России, состоял почетным членом Одесского комитета Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине. В 1884 году участвует в конференции движения Ховевей Цион в Катовице и был избран в совет.

В 1885 году, как представитель движения Ховевей Цион, он посетил Эрец-Исраэль и, обследовав положение еврейских поселений, составил обзор, который сыграл важную роль в практической деятельности этого движения.

В завещании передал всю свою долю в фирме «В. Высоцкий и К°» в размере миллион рублей на благотворительность, часть из этих средств (100000 рублей), по решению опекунов (Ахад-ха-Ам, рав Мазе и Шмелькин), в 1908 были внесены на основание Техниона в Хайфе.

Семья

жена: Кейла Цвия (в девичестве Абрамзон)
дети: Хана Либа, замужем за Йосифом Цейтлиным
Либа Мирьям, замужем за Осипом Гавронским
Рахель Фрейда, замужем за Рафаилом Гоцем
Давид

Интересные факты

Какое то время, секретарём Вульфа Янкелевича Высоцкого был, ставший впоследствии известным, еврейским писатель Рувим Брайнин.

Высоцкий Калонимос Зеев

ВЫСОЦКИЙ Калонимос Зеев (1824, Старые Жагоры, Ковенская губерния, – 1904, Москва), коммерсант, филантроп и сторонник движения Ховевей Цион. В 1858 г. создал в Москве знаменитую чайную фирму, носящую его имя (некоторое время Ахад-ха-‘Ам возглавлял ее отделение в Лондоне). В 1885 г. Высоцкий посетил Эрец-Исраэль как представитель движения Ховевей Цион и, обследовав положение еврейских поселений, составил обзор, который сыграл важную роль в практической деятельности этого движения. До конца жизни Высоцкий продолжал филантропическую деятельность (см. Филантропия): поддерживал литературу на иврите, финансировал ежемесячник на иврите «Ха-Шиллоах», делал крупные пожертвования Обществу для распространения просвещения между евреями в России.

Согласно завещанию Высоцкого, вся его доля в чайной компании (один миллион рублей) поступила на нужды еврейского народа, в том числе на создание хайфского Техниона.

Брайнин, Рувим

Рувим Бра́йнин, в западной традиции Брайни́н (евр. Реувн, альтернативные имена: Реубен, Реувен, Рубен, Ruben ben Mordechai, Reuben, Reuven Brainin, в некоторых источниках также Ruvim Brajnin,¹ ивр. רַׁוִּימ בְּרַיִנִּין; 16 марта 1862, местечко Ляды, Могилёвская губерния – 30 ноября 1939, Нью-Йорк) – еврейский публицист, биограф, литературный критик, деятель сионизма, писал на иврите и идише.

Семья

Родился в многодетной семье (10 детей)² потомственного печника³.

Венские печники. В центре – Адольф Абрахам Брайнин, племянник Рувима Брайнина, отец Норберта Брайнина.

Ближайшие родственники жили как в Лядах, так и в других городах нынешней Витебской области Белоруссии (Орша, Витебск).

Отец Рувима Брайнина – Мордехай Брайнин. Мать – урожд. Хася Рахлина. Жена – Маша Амстердам. Дети – Mitzi Brainin (1890–1918), Berta Brainin (1892–?), Moe Brainin (1893–1963), Joe Brainin (1895–1970), ещё двое детей умерли в младенчестве².

¹ Brajnin, Ruvim – JewAge

² ¹² Генеалогия семьи Брайнин

³ Библиотека журнала «МИШПОХА». Воскресшая память. Выпуск 3. Местечковые и семейные истории

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Эта разветвлённая семья дала многих известных деятелей искусства и науки, таких как австрийско-британский скрипач Норберт Брайнин, австрийско-советский поэт и переводчик Борис Львович Брайнин (Зепп Эстеррайхер), австрийский поэт и публицист Харальд Брайнин, российско-германский поэт и музыкант Вилли Брайнин-Пассек, австрийско-американский поэт Фредерик Брайнин,⁴ российско-американский художник Реймонд Брайнин,⁵ австрийско-американский скрипач и дизайнер Макс Брайнин, австрийский учёный-нейролог Михаэль Брайнин, австрийский учёный-психоаналитик Элизабет Брайнин (нем.)русск. и др. (см. Брайнин).

Деятельность в России

Получил традиционное еврейское образование. Увлёкшись в юношеском возрасте идеями Хаскалы, организовал в Лядах библиотеку, в которой молодёжь читала в том числе русские книги и говорила по-русски⁶. В возрасте 16 лет приехал в Москву, где изучал сельское хозяйство⁷ и математику. В Москве работал секретарём у чайного фабриканта Высоцкого⁸. Первая статья Брайнина в газете «Ха-Мелиц»⁹ («Защитник»)¹⁰ была написана на иврите и посвящена последним дням еврейского писателя Переца Смоленскина, о котором Брайнин впоследствии написал монографию^{11 12 13 14}.

В Европе

В 1892 уехал в Вену, где основал журнал «Mi-Mizrah u-mi-Maarav» («С востока и запада»). Вышло всего четыре номера, три в Вене (1894) и один в Берлине (1899). Привлёк внимание резкой критикой творчества известного еврейского поэта и писателя Льва Гордона в первом номере (1896) журнала «Ха-Шилоах» («Послание»), издаваемого Ахад-ха-Амом¹⁵. Писал очерки из жизни еврейских студенческих колоний. Переведённые на немецкий, эти очерки создали Брайнину известность среди немецких критиков. Написал множество критических этюдов о еврейских авторах, был корреспондентом многих еврейских периодических изданий, где знакомил читателей с общественной и литературной жизнью Запада, приняв на себя роль посредника между еврейской и западной литературой. Переводил произведения Морица Лацаруса и Макса Нордау. Поддержал тогда ещё неизвестного Шаула Черниховского.

⁴ Fritz Brainin

⁵ Геннадий КРОЧИК: РОМАНТИК, ОСТАВШИЙСЯ ВЕРНЫМ СЕБЕ (Реймонд Брайнин).

⁶ Вишневецкий А. Штетл Ляды: Осталось в воспоминаниях. // Еврейский камертон (Новости недели). – Тель-Авив, 24 мая 2007.

⁷ Reuben Brainin – From East to West (English)

⁸ Р.Брайнин в Российской Еврейской Энциклопедии

⁹ en: Ha-Meliz

¹⁰ Gesisath ha-Sofer (Агония писателя) // Ha-Meliz, № 59, Санкт-Петербург, 1888.

¹¹ Perez ben Moscheh Smolenskin. – 1896.

¹² Смоленскин, Перец Моисеевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.

^{13 12} Брайнин Реувен – статья из Электронной еврейской энциклопедии

¹⁴ Брайнин, Рувим – статья в Еврейской Энциклопедии Брокгауза-Ефрона

^{15 12} Биография.ру | Biografija.ru | Б | Брайнин Рувим

В США и Канаде

С 1909 году Брайнин в Нью-Йорке, где основывает еженедельник «Ha-Derog» («Ласточка»)¹⁶. В 1912–1915 годах был одним из издателей канадской сионистской ежедневной газеты на идише «Keneder Odler» («Канадский орёл»), которая выходила в Монреале до Брайнина, а с 1915 стала называться «Weg» («Путь»). Брайнин покинул эту газету в связи с разногласиями между ним и Хиршем Волофским, владельцем «Канадского орла»¹⁷.

Написал биографию Теодора Герцля (1898), переведённую на английский в 1919 году. В 1919–1925 годах участвовал в издании журнала «Ha-Toren» («Мачта»), выходившего в Нью-Йорке на иврите¹⁸. Написал отчёты о первых пяти Сионистских всемирных конгрессах, которые были изданы отдельной книгой¹⁹. Брайнин был одним из основателей Еврейской публичной библиотеки в Монреале в 1914 г., куда после смерти Брайнина был передан его архив одним из его сыновей.

Рувим Брайнин

Интересные факты

Как литератор Брайнин был чрезвычайно продуктивен: задуманное одним издательством в 1908 г. собрание сочинений Брайнина предполагало объём в 20 томов (Брайнин после этого оставался активным ещё 30 лет)¹⁵.

Брайнин стоял у истоков современного иврита, был одним из основателей союза «Ibriga», задачей которого являлась модернизация древнееврейского языка с целью превращения его в разговорный²⁰.

Поддержал идею создания Еврейской автономной области в СССР¹³.

Именем Брайнина названа улица в Тель-Авиве²¹.

Брайнин, Рувим

БРАЙНИН Реувен (1862, Ляды, Белоруссия, – 1939, Нью-Йорк), еврейский писатель и литературовед. Писал на иврите и идиш. Получил традиционное еврейское воспитание. Широкое внимание привлек к себе резкий критический очерк Брайнина об И. Л. Гордоне, опубликованный в 1896 г. в журнале «Ха-Шиллоах», выходившем под редакцией Ахад-ха-Ама. Большая часть литературоведческих работ Брайнина посвящена изучению еврейской литературы как части мировой литературы. Его монографии о двух выдающихся писателях эпохи Хаскалы – П. Смоленскине (1896) и А. Мапу (1900) – отличаются точностью и ясностью стиля и оригинальностью трактовки. Брай-

¹⁶ Encyclopédie Larousse.

¹⁷ Jewish Public Library.

¹⁸ The Blackwell Dictionary of Judaica.

¹⁹ Chamescheth ha'kongressim hazionim. – 1902.

²⁰ Виктор Чернов Идишист против иврита

²¹ Joip.com Archive – Who.is

ЧАЙНЫЙ ДОМ

нин был одним из первых, кто оценил талант Ш. Черниховского, ставшего впоследствии одним из величайших еврейских поэтов 20 в. Брайнин много писал также на идиш и публиковался в различных русско-еврейских периодических изданиях. С 1909 г. жил в США, за исключением нескольких лет, проведенных в Канаде. В Нью-Йорке Брайнин выпустил первый том незаконченной биографии Т. Герцля – «Хайей Херцл» («Жизнь Герцля», 1919), в котором описывается период, предшествующий 1-му Сионистскому конгрессу. В последние годы жизни Брайнин писал почти исключительно на идиш. Поддержал идею создания Еврейской автономной области в СССР, что несколько отдалило его от еврейских писателей. Три тома избранных произведений Брайнина («Ктавим нивхарим», 1922–40) дают полное представление о Брайнине как о критике, публицисте, авторе коротких набросков и импрессионистских новелл.

В начале XX в. одним из крупнейших по размаху предприятий в России была фирма видных московских предпринимателей Высоцких, главной сферой деятельности которых была развеска чая и торговля им. Имя этой династии связано с новой эпохой в развитии старинного чайного дела, наступившей в пореформенные десятилетия. Дело в том, что в российской чайной торговле длительное время господствовала сухопутная караванная доставка из Китая через Кяхту (пограничный таможенный пункт в Сибири на границе с Китаем) и далее через Сибирь, Урал и Нижний Новгород в центральные области. На этом направлении еще в дореформенный период сложились традиционные группы чаоторговцев, которые получали китайский товар в обмен на изделия русских текстильных фабрик. Так, например, по сведениям за 1845 г. до ста российских фабрик, в основном в Москве и Московском промышленном районе, работали на этот рынок. После разрешения, данного в конце 1850-х гг. правительством императора Александра II, доставлять чай в Россию не только по суше, но и через порты на Черном и Балтийском морях, масштабы и география чайной торговли чрезвычайно возросли. Они еще больше увеличились с постройкой железных дорог. Коренным образом изменился и сам характер торговли. Появилось больше возможностей для инициативных и энергичных дельцов новой формации. Помимо Китая, чай стали привозить из Индии, Цейлона, с острова Ява. Большое значение приобрела посредническая торговля через Англию. В новых условиях огромную роль стало играть налаживание международных связей. В эти годы наряду со старыми авторитетными фирмами, десятилетиями развивавшими свое дело (например, Боткиными), возникает и ряд новых крупных чайных фирм (Перловы, Поповы, Губкины и Кузнецовы), завоевавших прочные позиции на рынке. Основателем известной династии предпринимателей был Вульф Янкелевич (Калонимус Зеев Вульф) Высоцкий, крупный коммерсант и благотворитель. Сведений о его молодых годах немного. Известно, что он родился в 1824 г. в селе Старые Жагоры Ковенской губернии. Получив религиозное образование, Высоцкий, чтобы продолжить обучение, уехал уже после женитьбы в местное Воложинское училище, где провел около трех лет. Позднее он попытался заняться земледелием и, получив от казны участок земли, основал с компаньонами поселок Дубно (близ г. Двинска), но дело не пошло из-за неблагоприятных почв и плохих урожаев. В 1854 г. Высоцкий снова отправился учиться, теперь уже в Ковно (ныне Каунас). Свою коммерческую деятельность будущий «чайный король»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

начинал как хлеботорговец. В 1858 г. он переселяется в Москву и создает здесь знаменитую впоследствии торговую чайную фирму «В. Высоцкий и Ко». Современники особо отмечали культуру ведения торговли, образованность и высокую компетентность основателя. «Не в пример другим скоробогатым, – замечает один из мемуаристов, – Высоцкого нельзя было упрекать в каких-либо нечестных правилах на пути к богатству. Став миллионером, он не обнаружил ни малейшего высокомерия и заносчивости. Он основательно изучил чайное дело и его источники». В 1876 г. Вульф Высоцкий, ставший к этому времени петербургским 1-й гильдии купцом, продолжил дело как единоличное предприятие под названием «В. Высоцкий», а в 1881 г. преобразовал свою фирму в торговый дом в Москве на правах полного товарищества «В. Высоцкий с сыном», которое производило оптовую торговлю чаем и маслом. В конце 1880-х гг. годовой оборот фирмы по торговле чаем составлял 300 тыс. руб., а по торговле маслом – 50 тыс. руб. Особенно бурный рост оборотов фирмы отмечается в конце 1890 – начале 1900-х гг. Происходит реорганизация предприятия и поразительно быстрое укрупнение его капиталов. Факты говорят сами за себя. Старт новому витку развития был положен еще в начале 1890-х гг. в связи с открытием отделений фирмы в Симферополе и Одессе, когда предприятие преобразуется в товарищество на вере «Высоцкий В. и Ко». Главой фирмы, ее директором-распорядителем остался В.Я. Высоцкий, ставший к тому времени московским 1-й гильдии купцом и потомственным почетным гражданином. Но в состав вошли новые вкладчики – московский 2-й гильдии купец Е.Ш. Цетлин и «симферопольская купеческая жена» Л.М. Гавронская. Первоначальный капитал товарищества составлял всего 25 тыс. руб., но уже к 1893 г. он возрос до 60 тыс. руб. Однако это было только началом. В 1898 г. фирма была еще раз коренным образом реорганизована, теперь уже в паевое товарищество с гигантским по тому времени основным капиталом в 1,5 млн. руб. К 1900 году он вырос до 3 млн. руб. Товарищество стало осуществлять крупные операции по торговле чаем, открывая все новые отделения в России и за границей. Ему принадлежали шесть чаеразвесочных фабрик в Москве, Петербурге, Одессе, Коканде, Челябинске, Сретенске. Московская чаеразвесочная фабрика и склады размещались на Нижней Красносельской улице (д. 57 и д. 61) и пересекавшейся с ней Ольховской ул. Всего на фабриках работало 22 тыс. человек. Годовая продажа чая составляла в 1898 г. – 6,5 млн. руб., в 1901 г. она выросла более чем в 2,5 раза. В 1903 г. основной капитал фирмы был еще раз увеличен – до 6 млн. руб. (1200 именных паев по 5 тыс. руб.). Чистая прибыль предприятия в этом году составила 627,3 тыс. руб., а дивиденд был одним из самых высоких в отрасли – 9%. Уже в этот период фирма Высоцких становится одним из монополистов на рынке. Успех товарищества был во многом обусловлен тем обстоятельством, что оно смогло при сбыте и закупках довольно длительное время работать без оптовых посредников, имея многочисленную, тесно связанную с ним клиентуру, и практически не нуждалось в биржевом посредничестве. Глава фирмы в продолжение всей своей жизни вел широкую филантропическую деятельность. Он много жертвовал на нужды просвещения и образования. Еще одна значительная статья его пожертвований – на создание колоний еврейских переселенцев в Палестине. В 1885 г. В.Я. Высоцкий совершил путешествие в Палестину как

ЧАЙНЫЙ ДОМ

представитель переселенческого движения «Ховевей Цион». Здесь он провел обследование положения существовавших на Святой земле еврейских поселений и подготовил обзорный доклад, сыгравший значительную роль в дальнейшей практической деятельности этого движения. Свои впечатления Высоцкий описал в дневнике и опубликовал его в ежегодном литературном еврейском альманахе «Хаашив». Предприниматель поддерживал писателей, пишущих на иврите, был официальным издателем и финансировал ежемесячный журнал «Ха-Шилоах», жертвовал большие суммы Обществу для распространения просвещения между евреями России, являлся почетным членом Комитета помощи еврейским земледельцам и ремесленникам. По завещанию В.Я. Высоцкого, умершего в Москве в 1904 г., вся его паевая доля в чайной компании (около 1 млн. руб.) поступила на благотворительные нужды, в том числе на создание учебных заведений для беднейшего еврейского населения в России и на создание технического учебного заведения (техниона) в г. Хайфе (Палестина). При сыновьях и внуках основателя династии торговый дом стал одной из ведущих мировых фирм, занимавшихся развеской и продажей чая. В частности, весьма крупными были объемы продаж так называемого «Кантонского чая», ввозимого в Россию морем, в отличие от «караванного», доставляемого по суше. Это обстоятельство было отражено в отличительном знаке фирмы – изображении корабля на пачках с чаем. Наиболее известными и популярными в России сортами были: «Царская роза», «Китайская роза», «Царский букет», «Китайский букет», «Серебряный букет», «Индийская роза», «Серебряный аромат». Из них последние два были самыми дорогими. После смерти В.Я. Высоцкого семейную фирму возглавил его сын Давид Вульфович и ранее принимавший активное участие в деле. Он имел почетное звание коммерциосоветника. Еще в 1891 г. в Москве он одновременно с ведением дел в отцовской фирме учредил и возглавил Торговый дом на правах полного товарищества под фирмой «Д. Высоцкий и Р. Гоц и Ко» с размером капитала 90 тыс. руб. Владельцами были записаны московские 1-й гильдии купцы Давид Высоцкий и его компаньон Шлем Рафаилович Гоц. В 1914 г. оба предприятия слились в одно. Основной капитал фирмы Высоцких возрос к этому времени до 10 млн. руб., а сумма годового производства – почти до 50 млн. руб. (49,9 млн. руб.). Товарищество в этот период имело в своем распоряжении до 77 зданий в 49 городах и населенных пунктах империи. Еще в 1904 г. было открыто отделение в Нью-Йорке для продажи чаёв, развешанных в России, а в 1908 г. – филиал в Лондоне. В этот период закупки чая всех видов (байхового, зеленого, кирпичного, плиточного) для развески и продажи осуществлялись во всех чаепроизводящих районах мира (Китае, Индии, на Цейлоне, на острове Ява). Ввозился чай преимущественно через Одессу. Составление сортов и расфасовка были в значительной степени механизированы. Оптовая торговля развесным чаем производилась на всей территории империи. О размахе операций фирмы свидетельствует и тот факт, что в одном лишь 1906/07 операционном году товарищество закупило чая на 900 тыс. фунтов стерлингов, заплатило таможенных пошлин на 17 млн. руб. При этом для осуществления своих торговых действий оно пользовалось кредитом, предоставляемым крупнейшими европейскими банками и кредитными учреждениями Берлина, Гамбурга, Базеля, Брюсселя, Лондона, Парижа. Товарищество имело также неограни-

ченный вексельный кредит в российских банках (Московском купеческом, Волжско-Камском, Северном, московском отделении «Лионского кредита», московской конторе Государственного банка), прибегало к ссудам у крупных российских предпринимателей (М.Б. Гальперина, С.В. Поляка, Б.С. Шмерлинга) и у собственных пайщиков (Высоцких, Гавронских, Гоцов, Цетлиных). В последние перед крушением империи годы товарищество являлось крупным держателем облигаций российских государственных займов и гарантированных правительством ценных бумаг (на сумму около 7,6 млн. руб.). Главенствующие позиции в товариществе занимал сравнительно небольшой круг пайщиков, связанных между собой родственными узами. На 1914 год в состав правления входили Д.В. Высоцкий, его сын Ф.Д. Высоцкий, Б.О. Гавронский, Р.А. Гоц, Е.Ш. Цетлин. Общие собрания пайщиков проходили ежегодно не позднее ноября. Пять паев давали право на 1 голос. Главная контора и правление находились в Москве (Лубянско-Ильинские торговые помещения, подъезд № 3). О высоком авторитете продукции фирмы свидетельствовал тот факт, что товарищество «Высоцкий В. и Ко» являлось поставщиком двора великого князя Николая Михайловича. Высок был и уровень социального обеспечения работников на предприятиях. Для рабочих чаеразвесочной фабрики в Москве фирма содержала общежитие, баню, больницу, открыла для служащих ссудосберегательную кассу. Новое поколение династии продолжило семейные традиции филантропической деятельности. Глава фирмы Д.В. Высоцкий в 1914 г. возглавил Хозяйственное правление еврейской общины в России. За год до этого руководство товарищества учредило в Берлине благотворительное общество памяти В.Я. Высоцкого «Общежитие Гаифа» с правлением в Лондоне, финансировавшее обучение неимущих российских и зарубежных евреев-студентов в Еврейском институте технического образования в Палестине. В годы Первой мировой войны владельцы фирмы отчисляли крупные суммы на военные нужды, в том числе на оборудование лазарета для раненых воинов при московской чаеразвесочной фабрике, в распоряжение Московского биржевого комитета и Московского еврейского общества помощи раненым и больным воинам. В апреле 1916 г. под председательством Д.В. Высоцкого прошло собрание торгово-промышленной группы по оказанию помощи жертвам войны. Революция прервала историю крупнейшей московской фирмы. Дело Высоцких было в сентябре 1919 г. национализировано, а их развесочные фабрики и склады перешли к государственному объединению «Центрочай». Но чаеоторговая фирма под маркой Высоцких и в настоящее время существует в Израиле.

Михаил ГАВЛИН, кандидат исторических наук

Чай Высоцкого

В 1918-м году в Киеве была популярна поговорка: «Сахар Бродского, чай Высоцкого, Россия – Троцкого». Высоцкие в дореволюционное время считались одним из наиболее видных купеческих родов и занимались поставкой, расфасовкой и продажей чая.

Компания Wissotzky вот уже более чем полтора столетия использует эмблему с изображением кораблика, несущего по морям парус, подписанный русскими буквами «В и Ко». Wissotzky имеет местом постоянной прописки Израиль, и подобная символика могла бы показаться странной, но одна из крупнейших в мире компаний по производству чая имеет российские корни. Поэтому «В и Ко» – вполне логичная аббревиатура для семейного предприятия, которое возглавляет наследник купеческой семьи Высоцких. Здесь ценят собственную историю и по сложившейся многолетней традиции продолжают маркировать продукцию эмблемой с буквами непонятного большинству израильтян славянского шрифта.

Основатель известной чайной компании Колонимус Вульф Высоцкий родился в 1824 году в селе Старые Жагоры Ковенской губернии. Получив иудейское религиозное образование, Вульф Высоцкий, тем не менее, пробует себя в бизнесе, вначале основав с компаньонами неподалеку от города Двинска поселок Дубно для занятий земледелием, затем в качестве хлеботорговца. Заработав некоторый начальный капитал, предприниматель в 1849 году переселяется в Москву и создает здесь торговую чайную фирму «В. Высоцкий и Ко». Выбор Москвы для старта нового бизнеса был более чем удачным: нигде в России этот напиток не был настолько популярен, как в купеческой столице империи. В те годы москвичей часто называли «чаехлебами» и говорили, что они не пьют чай только тогда, когда спят.

Если говорить обо всей России, то через двести лет после того, как русский дипломат Василий Старков привез в подарок от монгольского хана первому российскому царю династии Романовых Михаилу Федоровичу 200 пачек (64 кг) чая, этот напиток в сознании россиян успел трансформироваться из «басурманского зелья» в обязательный атрибут самоварного застолья. В 1850 году в одной только Туле было 28 самоварных фабрик, которые выпускали около 120 тысяч штук самоваров в год. Чай пили с молоком, сахаром, медом и вареньем, открывались многочисленные «чайные». К чаю полагался десерт – пряники, печенье, сушки, бублики и баранки.

Коммерческие дела Вульфа Высоцкого обстояли неплохо, но свобода предпринимательской инициативы заметно сковывалась тем обстоятельством, что до второй половины 1850-х годов единственный в то время караванный способ доставки чая из Китая через Кяхту, Уральский Хребет и Нижний Новгород контролировала сложившаяся группа чаоторговцев, получающих оптовые партии чая в обмен на поставки в Китай российской мануфактуры, преимущественно текстильной. Ситуация в корне изменилась после того, как правительство императора Александра II выдало разрешение на ввоз чая в Россию через порты на Черном и Балтийском морях. Объемы чайной торговли возросли многократно. Кроме того, энергичные российские купцы

быстро завязали связи с поставщиками Индии, Цейлона и острова Ява. На демонополизированном чайном рынке открылись широкие возможности для предприимчивых людей, что получило свое отражение в возникновении новых крупных чайных компаний семей Перловых, Кузнецовых, Губкиных и Поповых.

Фирма купца Высоцкого, благодаря замечательным организаторским способностям и коммерческому чутью своего основателя и владельца быстро набирала обороты. Вульф тщательно изучил все нюансы чайного дела и вникал в любые тонкости бизнеса, и современники неоднократно отмечали как его высокую компетентность и образованность, так и общую культуру ведения дел.

Поставщик Двора Его Императорского Величества

Колонимус Вульф Высоцкий становится купцом первой гильдии. Высшее купеческое звание говорило о многом: капитал такого купца должен был составлять не менее 50 000 рублей – весьма серьезную по тем временам сумму. Согласно постановлению 1824 года «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» купец первой гильдии имел право вести внутреннюю и внешнюю оптовую торговлю российскими и иностранными товарами, иметь собственные корабли, магазины, фабрики, заводы, банкирские дома, страховые конторы, заключать частные контракты и «маклерские условия» на всякую сумму. Самых первогильдийных купцов было немного – их доля составляла лишь около 2% от численности всего купеческого сословия. Например, если в 1854 году в Российской Империи насчитывалось 180 тысяч купцов, то купцов первой гильдии было всего около трех с половиной тысяч. Вместе с гильдейским свидетельством купцы получали некоторые преимущества: они могли получить награды за особые заслуги, чин коммерции или мануфактурного советника, приезжать к Императорскому двору, носить губернский мундир. Вульфу Высоцкому присваивается звание потомственного (с правом наследования детьми) почетного гражданина Москвы и титул Поставщика Двора Его Императорского Величества, который предоставлялся согласно статье 205 Устава о Промышленности «за изделия превосходного качества, при обширном и вполне рациональном устройстве самих заведений» дающий его обладателю право «употребления на вывесках и изделиях государственного герба».

Бизнес купца Высоцкого продолжает расти, достигнув в 1880-х годах годового оборота в 350 тыс. рублей. Спустя еще десять лет семейное предприятие преобразуется в товарищество на вере и привлекает инвесторов, открывая свои отделения в Симферополе и Одессе. В 1898 году «В. Высоцкий и Ко» становится паевым товариществом с поражающим воображение основным капиталом в 1,5 млн. рублей, который за пару последующих лет увеличивается вдвое. Компания открывает отделения в России и за границей и собственные чаеразвесочные фабрики в Москве (на перекрестке улиц Нижней Красносельской и Ольховской), Петербурге, Челябинске, Одессе, Коканде и Сретенске. Чаеразвесочные фабрики Высоцких считались для своего времени одними из самых передовых и технически оснащенных. Численность работников на фабриках достигала 22 тысячи человек. Уровень социального обеспече-

ЧАЙНЫЙ ДОМ

ния на предприятиях был по тогдашним меркам необычайно высок. Например, для рабочих московской чаеразвесочной фабрики компания предоставляла общежитие, баню, больницу. Служащие имели право пользоваться ссудо-сберегательной кассой. Однако, несмотря на высокие социальные затраты, бизнес уверенно шел в гору. Объяснить коммерческий успех предприятия отчасти можно тем, что Вульф Висоцкий удалось выстроить непрерывную цепочку от поставщиков к конечным потребителям, сделав компанию независимой от оптовых посредников и розничных торговцев.

Обретя предпринимательскую свободу, Висоцкий смог диктовать рынку свои условия, благодаря чему в 1903 году основной капитал фирмы вновь удвоился, составив 6 млн. рублей, а чистая прибыль приблизилась к 630 тыс. рублей, ежегодно увеличиваясь самыми быстрыми в отрасли темпами. «В. Висоцкий и Ко» становится одним из монополистов, контролируя 35% чайного рынка Российской империи.

Короли чайной империи

В 1904 году в восьмидесятилетнем возрасте Вульф Висоцкий скончался, передав дело наследникам. Свою паевую долю, составляющую около 1 млн. рублей купец завещал на благотворительные нужды. Висоцкий и при жизни широко занимался благотворительностью, жертвуя большие суммы, в том числе многим российским учебным заведениям.

Путешествие в Палестину, совершенное им в 1885 году, подвигло Вульфа пожертвовать деньги на основание хайфского Техниона, сегодня считающимся лучшим техническим ВУЗом современного Израиля.

Фирму возглавил наследник ее основателя Давид Вульфович Висоцкий, а основу товарищества составили близкие к семье пайщики. Правление компании Висоцких находилось в Москве в Лубянской-Ильинских торговых помещениях, соседствуя с конторами таких именитых фирм, как «Товарищество Эйнемъ» и «Товарищество А.И. Абрикосова и сыновей».

Как показали дальнейшие события, управление компанией оказалось в надежных руках – уже в 1904 году значительно вырастает объем торговых операций Висоцких в Европе и открывается представительство в Нью-Йорке, а в 1907 – отделение в Лондоне. В 1913 году компания «Висоцкий и Ко», имея основные склады в Москве, Одессе, Челябинске и Нижнем Новгороде расширила сеть своих торговых заведений на всю территорию России. Для пополнения оборотных средств товарищество имело кредитные линии в банках Лондона, Парижа, Базеля, Брюсселя, Берлина и Гамбурга, наряду с этим пользуясь неограниченным вексельным кредитом в крупнейших российских банках. В следующем, 1914 году, окончательно освоившись на международных рынках, товарищество становится одним из крупнейших поставщиков чайной продукции в мире с объемом годового производства, приближающимся к 50 млн. рублей.

Первая мировая война внесла значительные коррективы в повседневную жизнь империи. Владельцы «Висоцкий и Ко» переводили крупные денежные средства на во-

енные нужды, при московской чаеразвесочной фабрике был организован лазарет для раненых воинов. Произшедшая в 1917 году Октябрьская революция прервала историю чайной компании Высоцких в России. Какое-то время чай на фабриках выпускался под традиционной торговой маркой, что нашло отражение в поговорке «Чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия – Троцкого», упоминавшей, кроме председателя Реввоенсовета, фамилию известного в то время сахарозаводчика. Но вскоре предприятие Высоцких было национализировано, перейдя в ведение государственного комитета «Центрочай», занимавшимся закупкой и распределением чая в первые годы советской власти. Ближневосточный хэппи-энд

Тем временем, «Высоцкий и Ко» оказалась единственной из российских чайных компаний, которой удалось продолжить свой бизнес, переведя управление в Лондон и сохранив капитал и заграничные филиалы. Европа тридцатых годов прошлого века не отличалась политической стабильностью и в 1936 году фирма Высоцких переезжает в Палестину, имевшую статус британской подмандатной территории, полученный Великобританией от Лиги Наций. Таким образом, израильская компания Wissotzky Tea оказалась на двенадцать лет старше самого Государства Израиль, основание которого датируется 1948 годом. Основательно обустроившись на Земле Обетованной, руководство фирмы в 1963 году принимает решение о строительстве в Тель-Авиве чайного дома Wissotzky, где был организован полный цикл производства из сырья, поставляемого всеми чаепроизводящими регионами мира. Следуя традиции, заложенной еще Вольфом Высоцким, предприятие комплектуется самым современным оборудованием, что прямым образом отразилось на качестве продукции: механизация всех без исключения производственных процессов, включая упаковку – позволила избежать непосредственного контакта чайного листа с человеческими руками и сохранить его первозданные вкусовые качества. Спустя два с половиной десятилетия, расширяющая производство фабрика переезжает в пригород Тель-Авива, а администрация фирмы до сегодняшнего дня остается в тель-авивском Wissotzky House.

В наши дни компания Wissotzky Tea занимает в секторе торговли чаем около трех четвертей рынка Израила и выпускает чай более 200 наименований – от классического черного и зеленого до всевозможных оздоровительных и плодово-ягодных чайных композиций, реализуемых во всех частях света. Wissotzky по-прежнему «Поставщик Двора», но теперь уже Ее Величества Королевы Великобритании.

Купеческая династия Высоцких имеет отношение к всесоюзно знаменитому актеру, поэту и барду Владимиру Высоцкому.

Дед Высоцкого, Вольф Шалиомович Высоцкий, не унаследовал бизнес родственников – в 1911-м году он приехал из Бреста-Литовского в Киев получить образование. Он учился в юридическом, коммерческом институтах, а позже закончил еще и Киевский институт народного хозяйства.

Здесь он познакомился с Дорой Евсеевной Бронштейн – будущей медсестрой, жгучей брюнеткой с пылающими глазами. Дора была дочерью богатого житомирского помещика Евсея Бронштейна. Она закончила киевскую фельдшерско-акушерскую

ЧАЙНЫЙ ДОМ

школу. Здесь, в Киеве, Вольф Шалиомович стал Владимиром Семеновичем, Дора – Ириной Алексеевной (хотя она несколько раз меняла имена и становилась то Ираидой, то Иродиадой). В 1915-м году у молодой семейной пары родился сын Семен – отец поэта. В 1918-м году – сын Алексей. Семья занимала скромную квартиру на Евбазе – нынешней улице Воровского, 42.

Вскоре в Киев переехал и брат Владимира Семеновича, Леон – изобретатель фруктовых ароматов, специальных растворов для покрытия кожи, красителей и мыла без жиров.

Революционные потрясения заставили братьев искать свое место под солнцем – надо было кормить семьи. Они создали мастерскую театрального грима, которая во времена НЭПа превратилась в косметическое предприятие. Но в 1928-м году НЭП закончился. На предприятии Высоцких был поставлен крест. В 1932-м году семья распалась. Владимир Семенович со старшим сыном Семеном уехал в Москву (где мальчику была предопределена военная карьера). А Ирина Алексеевна с младшим сыном осталась в Киеве. Ей пришлось освоить профессию косметолога. Вскоре она стала одной из самых знаменитых мастериц Киева, работая в престижном салоне красоты на Крещатике и обслуживая жен, дочерей и любовниц высокопоставленных советских бонз.

Незадолго до войны Ирина Алексеевна вышла замуж второй раз – за некоего Георгия Лукича Семененко. Не успев эвакуироваться, пришлось спастись всеми доступными способами. В первые же дни войны Георгий Лукич купил на базаре фальшивое свидетельство о венчании и документы для жены. По новым документам она – красивая брюнетка с ярко выраженными семитскими чертами, настоящая «дочь Ливана» из «Песни Песен», не потерявшая шарм и привлекательность в свои 47 лет, – стала украинкой Дарьей.

В первые же дни войны их дом был разрушен при авианалете. Пришлось ютиться у соседей. Вспоминает Ирина Мельниченко, родители которой приютили бабушку Владимира Высоцкого: «Однажды в нашу квартиру ворвались фашисты, согнали жильцов на кухню, потребовали документы. Один из гитлеровцев ткнул пальцем в Ирину Алексеевну и спросил моего отца, прикованного к инвалидной коляске: «Юде?» – «Нет, украинка», – ответил он. Тогда немец достал пистолет, навел его на маму и переспросил: «Юде?» Отец не смалодушничал: «Наша соседка – украинка». Фашист воткнул дуло в лоб моей старшей сестренке, которой было 5 лет, и спросил уже у мамы: «Юде?!» – «Украинка!» – клятвенно заверила мама».

После войны Ирина Алексеевна продолжала работать косметологом. Очевидцы вспоминают, что бабушка Владимира Высоцкого сама зачастую готовила различные чудодейственные мази. Когда к ней приезжали гостить сыновья, она варила раков, постный борщ с фасолью и карасями, пекла пироги со смородиновым вареньем и яблоками. Обязательно приглашали на застолье и соседей. Бабушка любила коньяк – особенно за преферансом.

Говорят, что Владимир Высоцкий унаследовал именно характер бабушки, Ирины Алексевны, умершей в 1970-м году и похороненной на Байковом кладбище. «Оба – независимы, великодушны, яркие натуры. Оба жили смело и размашисто, никому не подчиняясь», – писала позже одна из биографов Высоцкого.

Владимир Высоцкий впервые побывал в Киеве сразу после войны – они с отцом ехали отдыхать в Мукачево, недавно присоединенное к Украинской ССР вместе с Закарпатьем. Ненадолго остановились у бабушки Ирины. С тех пор Володя стал частым гостем в киевской квартире в Чеховском переулке – именно там после войны жила Ирина Алексеевна. Кроме того, в период с 1949-го по 1953-й год отец поэта (к тому времени бросивший семью, но не чаявший души в сыне) служил в штабе Киевского военного округа – и Володя часто гостил у отца и мачехи в Киеве.

Кстати, когда Владимир – вопреки воле отца – решил оставить Московский инженерно-строительный институт, его поддержала и защитила именно бабушка, настоявшая на том, что парень должен сам выбирать себе дорогу в жизни. Благодаря бабушке страна Советов не получила еще одного инженера-строителя, зато миллионы граждан получили гениального актера, поэта и певца.

В 1958-м году Владимир стал чаще бывать в Киеве. В Москве у него начался головокружительный роман с однокурсницей, выпускницей МХАТовской школы-студии Изой Жуковой. После выпуска Иза была приглашена на работу в Киевский театр имени Леси Украинки. Замужество Жуковой не было преградой для романа – фактически Владимир и Иза жили в гражданском браке, поскольку ее законный муж в ту пору находился преимущественно в Таллинне, в командировках. Иза жила в основном в примерке театра – с квартирами было туго. Частенько в Киев – к возлюбленной – приезжал Владимир и тоже селился в этой самой примерке. К бабушке забегал в лучшем случае на чай.

Ирине Алексеевне понравилась Иза. И она решила помочь молодым людям оформить брак. В ту пору развод был очень сложным процессом, необходимо было поместить объявление в газете, позже – дожидаться решения суда... Бабушка пошла своим путем. Одна из ее клиенток оказалась народным судьей, она и решила все вопросы, связанные с матримониальными проблемами. Иза поработала в Киеве два сезона и сыграла шесть ролей. В 1960-м году она вернулась в Москву, где 25 апреля состоялась свадьба с Владимиром.

В 60-е годы Высоцкий часто бывал в Украине – на киностудии им. Довженко режиссер Суламифь Цибульник снимал фильм «Карантин», для которого Высоцкий написал песню «Давно смолкли залпы орудий». В Киеве он познакомился со сценаристом и начинающим писателем Юрием Щербаком – между молодыми людьми завязалась крепкая дружба.

В 1966-м Высоцкого пригласили на Одесскую киностудию – для съемок в фильме «Вертикаль». Вот что он писал своей второй жене Людмиле Абрамовой: «Ступил на одесскую землю. Никто не встречает, даже машины не выслали. Я как человек не

ЧАЙНЫЙ ДОМ

обидчивый и богатый сел в такси, поехал на киностудию. Там обо мне знать не знают, кто, говорят, такой? Откуда? Зачем? Потом разобрались, извинились, сделали фото, послушали песни, заказали еще, объяснили про сценарий и повели в гостиницу. Номеров свободных нет. В ресторане говорят: русских не кормим. Лег спать голодным в номере у режиссеров. Режиссеры молодые, из ВГИКа, неопытные, но приятные ребята: Дуров и Говорухин. Фильм про альпинистов, сценарий плохой, но много песен. Сейчас стараюсь что-то вымучить, пока не получается. А на следующий день мне дали почитать еще один сценарий. Режиссер – женщина, Кира Муратова. Хороший режиссер, хороший сценарий, хорошая роль».

...Почти мистическое событие произошло летом 1970-го года. В Одессе проходили съемки фильма, в которых принимал участие и Высоцкий. Вдруг он пришел к режиссеру Георгию Юнгвальд-Хилькевичу и заявил, что ему плохо. Схватило сердце. Режиссер пытался вызвать врачей из Москвы. «Нет, отправьте меня в Киев. Мне нужно в Киев. У меня там бабушка», – упирался Высоцкий и настоял на своем. «Посадили мы его на самолет, – пишет Юнгвальд-Хилькевич, – а спустя время узнали, что Высоцкий провел с бабушкой день, а на следующий она умерла, буквально у него на руках».

Гоц Михаил

ГОЦ Михаил (Мойше) Рафаилович (1866, Москва, – 1906, Берлин), деятель русского революционного движения, брат А. Гоца, внук К. З. Высоцкого. Родился в семье богатого чаеоторговца, купца первой гильдии. В 1885 г. после окончания 2-й московской гимназии поступил на медицинский факультет Московского университета. В том же году вошел в московскую народовольческую группу. В 1886 г. был арестован по делу В. Богораза. В 1888 г. был выслан под гласный надзор полиции в Иркутский край. По дороге в Средне-Колымск принял участие в протесте ссыльных против ухудшения условий отправки в места содержания и антисемитских издевательств (так называемая «якутская трагедия»; подробнее см. Якутия), во время подавления которого был тяжело ранен. Военный суд в 1889 г. приговорил Гоца к «бессрочным каторжным работам». Отбывал наказание в Якутской и Вилюйской каторжных тюрьмах, а с июня 1892 г. в Акатуйской каторжной тюрьме и Горном Зерентуе. В 1895 г. каторжные работы были заменены ссылкой на поселение в Тобольскую губернию. Занимался литературной деятельностью и печатался в журналах «Степной край», «Мир Божий», «Русское богатство». В 1899 г. в связи с ухудшением состояния здоровья Гоцу было разрешено поселиться в Одессе.

В ноябре 1900 г. выехал за границу. Жил в Париже, где вместе с другими революционными деятелями издавал журнал «Вестник русской революции». Играл выдающуюся роль в переговорах с Е. Азефом, Г. Гершуни, В. Черновым о создании партии. После создания партии социалистов-революционеров (эсеров) – член ЦК партии и редактор центрального органа партии журнала «Революционная Россия». Являлся представителем боевой организации партии эсеров за границей. Играл активную роль в разработке основных направлений деятельности боевой организации, в поисках новых

боевиков. В. Чернов писал, что на М. Гоца была возложена «экстраординарная функция: в случае полного провала в России на нем бы лежала задача восстановления ЦК и боевой организации». В 1902 г. Гоц переехал в Женеву. В марте 1903 г. во время пребывания в Италии был арестован по требованию российского правительства, которое настаивало на его выдаче на основании данных о его участии в убийстве министра внутренних дел Д. Сипягина и подготовки других политических убийств. Но в результате протестов социалистической и радикальной общественности, а также отсутствия улик, подтверждающих требования царского правительства в его выдаче за участие в политических убийствах, был освобожден и выслан в Швейцарию.

Несмотря на прогрессирующую болезнь, которая приковала его к постели и обрекала на неподвижность, М. Гоц считался основным руководителем партии.

Основные вопросы партийной жизни решались в женевской квартире Гоца. Обладая большим состоянием, Гоц большую часть средств тратил на партийные нужды. Умер после операции по удалению опухоли спинного мозга, похоронен в Женеве.

М. Гоц написал ряд статей, а также книгу «О критике и догме, теории и практике» (М., 1906).

Гоц Абрам

ГОЦ Абрам Рафаилович (1882, Москва, – 1940, Краслаг, Нижний Ингаш, Красноярский край), брат М. Гоца, внук К. З. Высоцкого. Окончил реальное училище в Москве. В революционном движении с 1896 г. Вошел в Северный союз социалистов-революционеров (эсеров). В 1900 г. поступил на философский факультет Берлинского университета, вместе с И. Фондаминским, Н. Авксентьевым, В. Зензиновым участвовал в Галле-Гейдельбергском кружке молодых эсеров. По окончании университета весной 1906 г. вступил в боевую организацию партии социалистов-революционеров. Один из руководителей боевой организации Б. Савинков характеризовал Гоца как «правовверного социалиста», видевшего в терроре «высшую форму революционной борьбы». Был арестован в 1906 г. в Петербурге в резиденции императора. В 1907 г. был осужден на восемь лет каторжных работ, отбывал заключение в Александровском центральном в Иркутской губернии. В 1915 г. вышел на поселение в Иркутской губернии, входил в группу так называемых «сибирских циммервальдцев» вместе с Ф. Даном, И. Церетели и другими. Руководил газетой «Сибирь».

После февральской революции 1917 г. участвовал в создании в Иркутске Комитета общественных организаций, Совета рабочих и солдатских депутатов, лично арестовал генерал-губернатора А. Пильца. Вернулся в Петроград 19 марта. В марте был избран в исполнительный комитет Петроградского совета. 14 апреля был избран в бюро Совета. 1 мая, после того, как исполком принял решение об участии социалистических партий в правительстве совместно с так называемыми буржуазными партиями, Гоц вошел в состав комиссии для переговоров с правительством. Но сам Гоц, по свидетельству современников, «и слышать не хотел вообще ни о каком министер-

ЧАЙНЫЙ ДОМ

ском poste», ссылаясь на то, что он еврей. В Петроградском совете Гоц был лидером эсеровской фракции, а 22 мая был избран товарищем (заместителем) председателя Совета. С 24 июня Гоц член ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета) 1-го созыва.

А. Гоц был одним из лидеров той части партии социалистов-революционеров, которая пыталась активно бороться с большевиками. 25 октября он вошел в состав Комитета спасения родины и революции, был избран председателем этой организации. Руководил восстанием юнкеров против большевистского переворота, начавшегося в ночь с 28 на 29 октября 1917 г. После подавления восстания прибыл в Гатчину в расположение казачьих частей генерала Краснова, наступавших на Петроград. Гоц не участвовал в работе 4-го съезда партии социалистов-революционеров (только послал приветствие съезду), однако был избран членом ЦК. По прибытии в Петроград 18 декабря был арестован, но освобожден на следующий день по распоряжению наркома юстиции левого эсера И. Штейнберга.

После разгона Учредительного собрания активно участвовал в боевой работе партии социалистов-революционеров. Весной 1918 г. вошел в военный штаб «Союза возрождения». Занимался формированием вооруженных групп и переброской их на Волжский фронт в армию Комуча (Комитета членов Учредительного собрания). С конца 1918 г. в Одессе, в партии отстаивал позиции борьбы на два фронта – «с большевизмом» и «белым движением». Арестован 19 мая 1920 г. в Москве, содержался в Бутырской тюрьме. На судебном процессе над социалистами-революционерами в июле–августе 1922 г. был приговорен к смертной казни, которая 11 января 1924 г. решением президиума ВЦИК была заменена на пятилетнее заключение. В мае 1925 г. был сослан на три года в Ульяновск. В июле 1925 г. был вновь арестован, приговорен к двум годам тюремного заключения, содержался под домашним арестом, затем отбывал ссылку в Ульяновске. В 1937 г. арестован в Алма-Ате (см. Алматы). 20 июня 1939 г. военной коллегией Верховного суда осужден на 25 лет лишения свободы.

Тумаркин, Анна

А́нна-Э́стер Тума́ркин (Анна Павловна Тумаркина, нем. Anna Ester Tumarkin; 16 февраля 1875, Дубровно Горецкого уезда Могилёвской губернии – 7 августа 1951, Гюмлиген, кантон Берн, Швейцария) – швейцарский философ, историк философии, психолог российского происхождения; первая в Европе женщина – профессор философии (1909).

Биография

Анна Тумаркин родилась в состоятельной еврейской семье в Дубровно (теперь район Дубровенского района Витебской области Белоруссии)²². Её родители – бесарабский купец и впоследствии личный дворянин²³ Палтиэл (Павел Моисеевич)

²² Некоторые источники упоминают местом её рождения Кишинёв – вероятно, ошибочно.

²³ Lilia Zabolotnaia. Destinul unei familii. Câteva crâmpieie din istoria dinastiei Tumarkin. Tyrageția, 2002, 11 (стр. 193: о даровании личного дворянства купцу П. М. Тумаркину).

Тумаркин (ум. 1906)²⁴25 и его жена София Герценштейн – происходили из Дубровно, но уже в самом раннем детстве их дочь Хана-Эстер (в будущем Анна-Эстер) росла в Кишинёве. Здесь окончила женскую гимназию и учительские курсы²⁶.

Анна Тумаркин начала обучение в Берлинском университете под руководством Вильгельма Дильтея (см. Anna Tumarkin, «Wilhelm Dilthey». Archiv für Geschichte der Philosophie 25:143-153, 1912). С 1892 года жила в Швейцарии, где к тому времени уже учился её старший брат. Поступила на философское отделение Бернского университета, где в 1895 году успешно защитила диссертацию по сравнительному анализу философских трудов Гердера и Канта, изданную в первой книге «Бернского курса философии» под редакцией её научного руководителя Людвиг Штайна.

В 1898 году Тумаркин получила постоянную позицию приватдоцента (Privatdozentin) в Бернском университете и таким образом стала первой в Швейцарии и в Европе женщиной – преподавателем философии²⁷28. В 1906 году получила звание титулярного профессора (Honorarprofessorin), а в 1909 году – экстраординарного профессора (Professorin Extraordinaria) там же²⁹. Преподавала эстетику и историю философии в Бернском университете до 1943 года. С 1921 года делила квартиру с врачом Идой Гоф (1880–1952) в доме № 44 по Hallwylstrasse; вместе с И. З. Гоф посещала родственников в ставшей румынской Бессарабии в 1925 и 1937 годах.³⁰ Большинство оставшихся в городе Тумаркиных были депортированы и убиты через несколько лет.

Анна Тумаркин – автор ряда монографических трудов по философии, теоретической психологии, эстетике и культурологии, историческому анализу работ Спинозы, Гердера и Канта, в том числе «Гердер и Кант» (1896), «К описанию Юстина Кернера» (англ., 1898), «Ассоциативный принцип в истории эстетики» (1899), «Игра способностей у Канта» (1905), «К трансцендентальному методу кантовой эстетики» (1906), «Эстетический идеал и этическая норма» (1907), «Критическая проблема в преkritических трудах Канта» (1908), «Кантово учение о вещи-в-себе» (1909), «Поэзия и мировоззрение» (1919), «Романтическое мировоззрение» (1920), «Каким образом возможна психология как наука» (1921), «Пролегомоны к научной психологии» (1923), «Аполлониево и Дионисиево в древнегреческой философии» (1927), «Методы психологического исследования» (1929), «Эстетик Иоганн Георг Зулцер» (1933), «Сущность и становление швейцарской философии» (1948), и целого ряда других. Научный руко-

²⁴ В избирательных списках от Бессарабской губернии за 1906 год именуется Полтиэл Моисеевич Тумаркин (отчество сыновей: Полтиелов). Занимался оптовой торговлей обувью, публицистикой на иврите и переводами с русского языка на иврит (под именем Полтиэл Иосеф Тумаркин). Один из первых переводчиков современной американской литературы на иврит (посредством русского языка, см. S. Ilan Troen. The Discovery of America in the Israeli University: Historical, Cultural, and Methodological Perspectives. Journal of American History, 81(1): 164–182, 1994). Среди переводов – «Шенат хаАлпаим: хаАтака ме-ат хаПрофессор Беллами» О. Снина (1898)

²⁵ «Шенат хаАлпаим» в переводе П. Й. Тумаркина.

²⁶ В мире закрытых дверей.

²⁷ Lehre und Forschung in Gender Studies an der Universität Bern.

²⁸ История Бернского университета.

²⁹ Die Pionierinnen der Universität Bern.

³⁰ Ida Hof und Anna Tumarkin.

ЧАЙНЫЙ ДОМ

водитель философа Генриха Барта (1890–1965)³¹. Курс лекций Анны Тумаркин 1917–1918 года в Бернском университете посетил Вальтер Беньямин, упоминувший о её влиянии на развитие собственного мировоззрения в письмах к Герхарду Шолему³².

16 февраля 2000 года – в день рождения Тумаркин – одна из прилегающих к старому корпусу Бернского университета улиц получила название Tumarkinweg в её честь. В Бернском университете была организована научная программа ANNA, в память о философе.

Семья

Брат – Лазарь Павлович Тумаркин (6 ноября 1865, Кишинёв Бессарабской губернии³³ – после 1939) – врач и общественный деятель, выпускник медицинского факультета Московского университета, основатель частного санатория-водолечебницы «Тумаркин» в Кишинёве (ул. Пушкина, № 21),³⁴ вице-председатель союза виноделов города, был главврачом кишинёвской больницы Красного креста и первым рентгенологом края.

Племянник (сын старшей сестры, врача Санкт-Петербургской консерватории Веры Павловны Тумаркиной, 1867–1899) – видный советский зоолог, академик АН СССР Юрий Александрович Орлов (1893–1966) – основатель (1939) и заведующий (1943–1966) кафедрой палеонтологии геологического факультета Московского государственного университета.³⁵

Правнучатая племянница Анны Тумаркин (правнучка её старшего брата Моисея) – американский историк Нина Тумаркин (Нина Павловна Тумаркина, Nina Tumarkin, род. 1945), профессор и декан исторического отделения колледжа Уэлсли Гарвардского университета, автор многочисленных трудов по современной истории России и Советского Союза, в том числе монографий «Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia» (Ленин жив! Культ Ленина в Советской России, Harvard University Press, 1983, расширенное издание – 1997, русский перевод – СПб: Академический проект, 1997) и «The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia» (Живые и мёртвые: Взлёт и крушение культа Второй мировой войны в России (Basic Books, 1994, русский перевод). Другая правнучатая племянница (также правнучка Моисея Тумаркина) – Елена Александровна Френкли – директор заповедника библейского ландшафта «Неот кедумим» в Израиле (англ)³⁶.

³¹ Heinrich Barth.

³² О влиянии А. Тумаркин на В. Беньямина.

³³ Л. П. Тумаркин.

³⁴ Улица Пушкина, дом 11.

³⁵ Воспоминания Ю. А. Орлова.

³⁶ Её отец, Александр Яковлевич Френкли, с 1946 года был многолетним ведущим и впоследствии главным редактором русского отдела радио «Голос Америки», автор воспоминаний о жизни русской эмиграции в Париже конца 1920-х годов, опубликованных его женой – Натальей Александровной Френкли-Тумаркиной.

Племянница³⁷ Анны Тумаркиной (дочь московского ювелира Самуила Григорьевича Тумаркина^{38, 39} 1844–1922) – Мария (Маня) Самойловна Цетлина (урождённая Тумаркина, в первом браке Авксентьева; 1882–1976) – издатель, редактор журнала «Окно» (Париж), общественный деятель, выпускница Бернского университета; первым браком (1906) замужем за публицистом, одним из лидеров партии эсеров Николаем Дмитриевичем Авксентьевым (1878–1943), с которым встречалась с 1899 года; вторым браком (1910) замужем за литературным критиком и переводчиком Михаилом Осиповичем Цетлиным (Амари).^{40,41} Её дочь – художница Александра Николаевна Прегель (урожд. Авксентьева, до 1937 года использовала псевдонимы Avxente, A. Bolotov, 1907–1984); её муж – физик Борис Юльевич Прегель (1893–1976) – был президентом ведущего поставщика радиоактивных материалов в северном полушарии, нью-йоркской корпорации «Canadian Radium & Uranium». Сын М. С. Цетлиной – Валентин Вольф (Валентин Михайлович) Цетлин (Valentine Wolf Zetlin, 12 марта 1912, Париж – 9 июня 2007, Нью-Йорк) – американский психоаналитик, выпускник медицинского факультета Оксфордского университета (1944), в 1967–1970 годах – президент Нью-Йоркского фрейдистского общества (New York Freudian Society). Брат М. С. Цетлиной – Роман Самойлович Тумаркин (1888–1971) – общественный деятель.

Состояла в родстве также с социологом Элиасом Гурвичем.

Книги А. Тумаркин

1. Herder und Kant (Гердер и Кант). A. Siebert: Берн, 1896.
2. Zur Charakteristik Justinus Kerners. Stille: Берлин, 1898.
3. Das Associationsprinzip in der Geschichte der Aesthetik (Ассоциативный принцип в истории эстетики). Берлин, 1899.
4. Kants Spiel der Kräfte (Игра способностей у Канта). Henry Kündig: Женева, 1905.
5. Bericht über die deutsche ästhetische Literatur aus den Jahren 1900–1905 (Обзор немецкой эстетической литературы за году 1900–1905). Georg Reimer: Берлин, 1905.
6. Zur transcendentalen Methode der Kantischen Ästhetik (К трансцендентальному методу кантовой эстетики). Reuther & Reichard: Берлин, 1906.
7. Ästhetisches Ideal und ethische Norm (Эстетический идеал и этическая норма). F. Enke: Штутгарт, 1907.
8. Baruch Spinoza: acht Vorlesungen gehalten an der Universität Bern. Quelle & Meyer: Лейпциг, 1908.
9. Das kritische Problem in den vorkritischen Werken Kants. C. Winter: Гейдельберг, 1908.
10. Erich Becher: Der Begriff des Attributes bei Spinoza in seiner Entwicklung und seinen Beziehungen zu den Begriffen der Substanz und des Modus. E. Anton: Берн, 1909.
11. Kants Lehre vom Ding an sich. Georg Reimer: Берлин, 1909.

³⁷ Lilia Zabolotnaia. Destinul unei familii. Câteva crâmpie din istoria dinastiei Tumarkin (Le destin d'une famille. Fragments de l'histoire de la dynastie Tumarkin). In: Tyragetia, 2002, 11, стр. 193–196.

³⁸ Племянник С. Г. Тумаркина – эсер и публицист Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976).

³⁹ Воспоминания М. В. Вишняка.

⁴⁰ Интервью с историком Ниной Тумаркин.

⁴¹ Письмо Нины Тумаркин.

12. Bericht über die deutsche ästhetische Literatur aus den Jahren 1905–1909. Georg Reimer: Берлин, 1910.
13. Wilhelm Dilthey. L. Simion Nf.: Берлин, 1912.
14. Zu Spinozas Attributenlehre. Georg Reimer: Берлин, 1916.
15. Dichtung und Weltanschauung (Поэзия и мировоззрение). J. C. V. Mohr: Тюбинген, 1919.
16. Die romantische Weltanschauung (Романтическое мировоззрение). P. Haupt: Берн, 1920.
17. Wie ist Psychologie als Wissenschaft möglich (Каким образом возможна психология как наука). Reuther & Reichard: Берлин, 1921.
18. Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Psychologie (Пролегомоны к научной психологии). F. Meiner: Лейпциг, 1923.
19. Die Idealität der ästhetischen Gefühle. R. Voigtländer: Лейпциг, 1925.
20. Die Einheit des Platonischen «Phädrus». B. G. Teubner: Берлин, 1925.
21. Der Unsterblichkeitsgedanke in Platons «Phädon». J. D. Sauerländer: Франкфурт-на-Майне, 1926.
22. Das Apollinische und das Dionysische in der griechischen Philosophie (Аполлониево и Дионисиево в древнегреческой философии). B. G. Teubner: Лейпциг, 1927.
23. Eindrücke der Hellasreise 1927. Orell Füssli: Лейпциг, 1928.
24. Verzeichis der Publiktionen von Schweizerfrauen. Bern-Bümpliz, Buch- und Kunstdruckerei Benteli A.-G.: Берн, 1928.
25. Ein Blick in das Geistesleben der Schweizer Frauen einst und jetzt. F. Pochon-Jent: Берн, 1928.
26. Die Methoden der psychologischen Forschung (Методы психологического исследования). B.G. Teubner: Лейпциг, 1929.
27. Die Überwindung der Mimesislehre in der Kunsttheorie des XVIII Jahrhunderts. Verlag von J.C.V. Mohr (P. Siebeck): Тюбинген, 1930.
28. Der ästhetiker Johann Georg Sulzer (Эстетик Иоганн Георг Зульцер). Verlag Huber & Aktiengesellschaft: Фрайэнфельд, 1933.
29. Ein Versuch Diltheys Leben aus ihm selbst zu verstehen. Helbing & Lichtenhahn: Базель, 1934.
30. Wesen und Werden der schweizerischen Philosophie: Allgemeine Richtung der Philosophie der Schweiz, Philosophisches Denken in der Geschichte, Naturrecht, Erziehungslehre (Сущность и становление швейцарской философии). Verlag Huber & Aktiengesellschaft: Фрайэнфельд, 1948.

Тумаркина, Мария Самойловна

Мария Самойловна Тумаркина (1882–1976) – российский общественный и политический деятель, издатель.

Биография

Отец – московский ювелир Самуил Григорьевич Тумаркин. Мария Самойловна является племянницей Анны Тумаркиной⁴² (1844–1922).

Мария (Маня) Самойловна Цетлина (урождённая Тумаркина) – выпускница Бернского университета.

Была издателем, редактором литературного журнала альманашного типа «Окно» совместно со своим мужем Михаилом Осиповичем Цетлиным (Париж, 1923–1924).

Мария Самойловна окончила Бернский университет. Участница Революции 1905 года, арестована, отбывала заключение в Петропавловской крепости. Член партии эсеров. В 1907 году вернулась в Москву, где организовала литературный салон, который посещали крупнейшие российские деятели культуры. После Октябрьской революции эмигрировала во Францию, затем – в США.

Семья

В первом браке (1906) носила фамилию Авксентьева- была замужем за публицистом, одним из лидеров партии эсеров, министром Временного правительства Николаем Дмитриевичем Авксентьевым (1878–1943), с которым встречалась с 1899 года;

Вторым браком (1910) замужем за литературным критиком, поэтом и переводчиком Михаилом Осиповичем Цетлиным (Амари). Её дочь – художница Александра Николаевна Прегель (урожд. Авксентьева, до 1937 года использовала псевдонимы Avxente, A. Bolotov, 1907–1984); её муж – физик Борис Юльевич Прегель (1893–1976) – был президентом ведущего поставщика радиоактивных материалов в северном полушарии, нью-йоркской корпорации «Canadian Radium & Uranium». Сын М. С. Цетлиной – Валентин Вольф (Валентин Михайлович) Цетлин (Valentine Wolf Zetlin, 12 марта 1912, Париж – 9 июня 2007, Нью-Йорк) – американский психоаналитик, выпускник медицинского факультета Оксфордского университета (1944), в 1967–1970 годах – президент Нью-Йоркского фрейдистского общества (New York Freudian Society). Брат М. С. Цетлиной – Роман Самойлович Тумаркин (1888–1971) – общественный деятель.

⁴² Племянник С. Г. Тумаркина – эсер и публицист Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976)

Цетлин, Михаил Осипович

Михаил Осипович Цётлин (28 июня (10 июля) 1882, Москва – 10 ноября 1945, Нью-Йорк) – поэт, беллетрист, редактор, меценат; известен под псевдонимом Амари.

Биография

Родился в семье богатого коммерсанта Осипа Сергеевича (Есея Шмерковича) Цетлин и Анны Владимировны (Ханны Либы Вульфовны) Высоцкой. Участвовал в революции 1905–1907; был членом партии эсеров. В 1907 привлекался к дознанию как член редакционной комиссии книгоиздательства «Молодая Россия». Скрываясь от полиции, бежал за границу. Жил во Франции и Швейцарии. В 1907 году, почти сразу после эмиграции, принял решение посвятить себя литературной деятельности и полностью отошёл от политики.

В 1915 году, находясь в эмиграции, М. О. Цетлин организовал в Москве издательство «Зёрна», где выходили книги М. Волошина и Ильи Эренбурга, а к художественному оформлению привлекались Л. Бакст и И. Лебедев. После Февральской революции вернулся в Россию, однако в следующем году был вынужден перебраться в Одессу, спасаясь от преследований большевиков. В начале 1918 г. в доме Цетлиных состоялся вечер «Встреча двух поколений поэтов», на котором присутствовали все крупнейшие московские поэты. В 1918 году уехал в Италию, и оттуда перебрался во Францию. Стал основателем и первым редактором литературного журнала альманашного типа «Окно» (Париж, 1923–1924, возобновлён в 2007 году Анатолием Кудрявицким, дальним родственником Цетлина⁴³).

Был редактором отдела поэзии в журнале «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Литературно-музыкальные вечера в его доме в Париже привлекали весь цвет русской эмиграции – здесь бывали Марк Алданов, И. А. Бунин, С. П. Дягилев, композиторы И. Ф. Стравинский и С. С. Прокофьев, Д. С. Мережковский, Алексей Толстой, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Илья Эренбург, А. Ф. Керенский и другие писатели, музыканты, художники и политические деятели. Он также поддерживал материально многих бедствовавших русских эмигрантов.

В ноябре 1940 года Цетлин покинул оккупированную Францию и перебрался в Лиссабон, а оттуда в США (1942). Был основателем и первым редактором «Нового журнала» (Нью-Йорк (совместно с М. А. Алдановым, с 1942 года). После смерти Цетлина его вдова Мария Самойловна передала его коллекцию книг Еврейской национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме. На основе его коллекции картин в Рамат-Гане (Израиль) был создан Музей русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных.⁴⁴

⁴³ Мы ЗДЕСЬ / Публикации / Номер # 167 / 4 – 10 июля 2008.

⁴⁴ Шуламит ШАЛИТ: «РОССИЯ ДАЛЕКАЯ, ОБРАЗ ТВОЙ ПОМНЮ...»

Творчество

Автор пяти книг стихов. Его первая книга, «Стихотворения» (1906), была за стихи революционного содержания конфискована в 1912. Печатался под псевдонимом Амарі (фр. à Marie «Для Марии» – по имени жены); это слово также является аббревиатурой имен ближайших друзей поэта⁴⁵. Автор пьесы «Женихи Пенелопы», воспоминаний о М. А. Волошине, книг о декабристах и о композиторах «Могучей кучки».

Переводы

Амари переводил Шелли, Верхарна, Гейне, Гёльдерлина, Рильке, Валери, Бялика.

Стихи

Сборники

«Стихотворения» (1906)

«Лирика» (Париж, 1912)

«Глухія слова» (стихи 1912–1913 г.), изд. Зерна, т-во скоропеч. А. А. Левинсон, Москва, М.СМ.XVI

«Призрачные тени» (1920)

«Кровь на снегу. Стихи о декабристах» (Париж, 1939)

«Малый дар» Избранные стихотворения. Сост. Н. Сарников. – М., Праминко, Дом-музей Марины Цветаевой, 1993 – 160 с. ISBN 5-88148-008-2

«Цельное чувство»: Собрание стихотворений. / Общ. ред., сост., подг. текста и комм. В. Хазана. Серия: «Серебряный век. Паралипоменон». – М., Водолей, 2011–400 с.

Проза

«Декабристы» (1933),

«Пятеро и другие» (1944; о русских композиторах).

The Five: The Evolution of the Russian School of Music (Westpost, Connecticut: Greenwood Press, Publishers, 1975, 1959)

Литература

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1: А – Г. Москва: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 57.

А.Кудрявицкий. «Стихотворение Михаила Цетлина (Амари) „Письмо Каховского императору“ – один из первых верлибров русского зарубежья». В кн. «Вчера, сегодня, завтра русского верлибра». М., 1997.

Цетлин Михаил

ЦЕТЛИН Михаил Осипович (1882, Москва, – 1945, Нью-Йорк), русский поэт, беллетрист, меценат. Печатался под псевдоним Амарі: аббревиатура имен близких ему людей: Амалия (Гавронская, 188?-1935, двоюродная сестра Цетлина, жена И. Фон-

⁴⁵ Журнал «Окно»

ЧАЙНЫЙ ДОМ

даминского), Мария (урожденная Тумаркина, 1882–1976, жена Цетлина), Абрам (А. Гоц, двоюродный брат Цетлина), Рая (Фондаминская, сестра И. Фондаминского), Илья (Фондаминский); подписывался также по-французски А Marie (‘для Марии’) по имени жены.

Родился в семье крупного коммерсанта. Отец Цетлина, Осип Сергеевич (1856–1933; среди его предков был талмудист и меценат раввин Иехошуа Цейтлин из Шклова, 1742–1822), женился на дочери К. З. Высоцкого, основателя чайной фирмы «К. Высоцкий и сыновья», и стал одним из руководителей фирмы. Цетлин окончил московскую частную гимназию Ф. Креймана. В гимназические годы входил в кружок самообразования, членами которого были родственники и друзья: А. Гоц, Амалия Гавронская, И. Фондаминский, Мария Тумаркина и другие, позже, как и Цетлин, вошедшие в партию социалистов-революционеров (эсеров). Участвовал в революции 1905–1907 гг. В 1907 г. был привлечен к дознанию как член редакционной комиссии эсеровского книжного издательства «Молодая Россия»; скрываясь от полиции, эмигрировал. Жил во Франции и Швейцарии до 1917 г.; от активной политической деятельности отошел после 1908 года.

Первая книга Цетлина «Стихотворения» (М., 1906, 2-е изд. – 1909; в 1912 г. конфискована цензурой) включала стихи революционного содержания. Следующие сборники «Лирика» (Париж, 1912) и «Глухие слова. Стихи 1912–1913 гг.» (М., 1916; издательство «Зёрна», которое субсидировал Цетлин) получили критический отклик в России: В. Брюсов указывал на влияние французской поэзии (Э. Верхарн), В. Ходасевич характеризовал стихи Цетлина как «несколько бледные, но красивые», «написанные умело и порою своеобразно».

В сборнике «Лирика» помещена поэма «Айседора», герой которой – мальчик из сумрачного гетто, гибнущий за дело революции. Сознывая свою принадлежность к еврейству, Цетлин в стихах отдает дань разработке традиционного мотива роковой и неразделенной любви к России: «С одним народом я скорблю, /С ним связан я кровью; /Другой безнадежно люблю /Ненужной любовью» («Не связанный в жизни ничем...», сборник «Глухие слова»).

В июле 1917 г. Цетлин вернулся в Москву, но в 1918 г., спасаясь от преследований большевиков, переехал в Одессу и в 1919 г. эмигрировал в Италию, а затем во Францию. В Москве в 1918 г. Цетлин принял участие в первой книге альманаха «Еврейский мир» (поэма «Семисвечник», стихотворение «Памяти Мицкевича» /навеянное антисемитскими гонениями в Польше/). Парижский дом Цетлина стал одним из литературных центров русской эмиграции. В разное время с семьей Цетлина поддерживали дружеские отношения М. Алданов, И. Бунин, М. Волошин, Д. Мережковский, А. Толстой, В. Ходасевич, М. Цветаева, И. Эренбург и другие писатели.

Значительную роль в культурной жизни русской эмиграции сыграла щедрая благотворительная деятельность семьи Цетлина. В 1923–24 гг. Цетлин с женой издавал в Париже литературный журнал «Окно». В журнале «Современные записки» Цетлин с

1920 г. по 1940 г. руководил отделом поэзии, кроме этого он публиковал в журнале многочисленные рецензии.

В 1940 г. Цетлин покинул оккупированную Францию, недолго прожил в Лиссабоне и в 1941 г. переехал в США. В 1942 г. в Нью-Йорке (вместе с М. Алдановым) основал «Новый журнал», ставший со временем крупнейшим периодическим изданием второй эмиграции, и был его редактором и издателем.

В послереволюционной эмиграции Цетлин выпустил сборник стихотворений «Прозрачные тени» (Париж–М., 1920), «Рассказы» (Берлин, 1924), «Декабристы. Судьба одного поколения» (Париж, 1933, Н.-Й., 1954), «Кровь на снегу. Стихи о декабристах» (Париж, 1939), биографии композиторов «Могучей кучки» – «Пятеро и другие» (Н.-Й., 1944; 2-е изд. – 1953; переведены на несколько языков).

Первоклассная библиотека Цетлина, содержащая уникальные поэтические издания 20 в., была пожертвована его вдовой Еврейской национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме. Мария Цетлина в 1960 г. пожертвовала Государству Израиль также собрание (свыше 90) картин и скульптур, состоящее в основном из произведений русских художников начала 20 в. (В. Серов, Л. Бакст, А. Бенуа, М. Добужинский, Наталья Гончарова, М. Ларионов, Ф. Малявин, С. Сорин /1880–1953/, С. Чехонин и другие), на основе которого в Рамат-Гане создан Музей русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных.

Фондаминский Илья

ФОНДАМИНСКИЙ Илья Исидорович (псевдоним Бунаков; 1880, Москва, – 1942, Освенцим?), русский революционер, общественный деятель, публицист. Родился в состоятельной купеческой семье, соблюдавшей еврейские традиции. Из-за ограничений, связанных с процентной нормой, не был принят в гимназию при Лазаревском институте восточных языков. В 1893 г. поступил в частную гимназию Креймана. В юношеские годы занимался в кружке самообразования, в который входили друзья и родственники: А. Гоц, М. Цетлин, Мария Тумаркина (1882–1976), Амалия Гавронская (1887–1935) и др. Многие из членов кружка в будущем вошли в партию социалистов-революционеров (эсеры).

В 1900–1904 гг. Фондаминский учился на философских факультетах Берлинского и Гейдельбергского университетов. В начале 1902 г. женился на А. Гавронской, внучке К. Высоцкого. В мае 1902 г. был арестован на русско-немецкой границе и заключен на два месяца в тюрьму в Петербурге за связь с партией социалистов-революционеров (в которую затем вступил в конце 1902 г. – начале 1903 г.). После получения диплома в декабре 1904 г. Фондаминский вернулся в Москву и стал одним из руководителей Московского городского комитета партии социалистов-революционеров, занимался преимущественно вопросами пропаганды. Фондаминский – один из лучших ораторов партии, много выступал на различных митингах, пользовался большой популярностью, особенно когда выступал по аграрному вопросу; успешно полемизировал с

ЧАЙНЫЙ ДОМ

социал-демократами. В сентябре 1905 г. Фондаминский и его жена были арестованы и заключены в Таганскую тюрьму, освобождены в октябре того же года.

Фондаминский большую часть своего состояния и приданого жены пожертвовал на революцию, на эти деньги было закуплено оружие для эсеровской дружины в Москве. В начале декабря 1905 г. под воздействием Фондаминского съезд железнодорожников в Москве принял решение о начале всеобщей политической стачки, переросшей в декабрьское вооруженное восстание, во время которого Фондаминский был среди руководителей эсеровского штаба восставших. В январе 1906 г. Фондаминский принял участие в работе проходившего в Гельсинфорсе (ныне Хельсинки) 1-го съезда партии, где он вместе с В. Рудневым представлял Москву.

После роспуска 9 июля 1906 г. 1-й Государственной думы Фондаминский был направлен Центральным комитетом партии социалистов-революционеров в Ревель (Таллинн) для организации восстания на кораблях Балтийского флота. Но восстание началось и было подавлено еще до прибытия Фондаминского, и когда он поднялся на палубу крейсера «Память Азова», его тут же арестовали. В августе того же года военно-полевой суд оправдал Фондаминского, так как он прибыл на корабль после подавления восстания. Но его не освободили и в октябре 1906 г. вновь предали военно-полевому суду в Петербурге, который тоже его оправдал. Опасаясь нового суда, Фондаминский вместе с женой эмигрировал во Францию.

В 1907–17 гг. жил в Париже. Участвовал в работе 5-го Совета партии социалистов-революционеров (май 1909 г.), где был избран в один из руководящих органов партии – Заграничную делегацию. Фондаминский курировал работу боевой группы Б. Савинкова, которая планировала осуществление террористических актов против высшего руководства России, в том числе императора. В эмиграции после разоблачения Е. Азефа и под влиянием своих близких друзей Д. Мережковского и Зинаиды Гиппиус Фондаминский во многом пересмотрел свои взгляды. Он стал интересоваться христианством, финансировал издание религиозно-философского журнала «Вопросы жизни». Вместе с Н. Авксентьевым Фондаминский редактировал журнал «Почин», который придерживался последовательного антитеррористического курса. С начала Первой мировой войны Фондаминский стоял на оборонческих позициях, вместе с Г. Плехановым редактировал журнал «Призыв», который выступал против пораженцев.

В апреле 1917 г. Фондаминский вернулся в Петроград. Был избран товарищем председателя Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Доклад Фондаминского «О земле» вызвал огромный интерес и был опубликован тиражом в несколько миллионов экземпляров. Летом 1917 г. Временным правительством Фондаминский был назначен комиссаром Черноморского флота, вел активную борьбу с большевистским влиянием. Подавляющим большинством голосов был избран депутатом Учредительного собрания от Черноморского флота, а также членом бюро фракции социалистов-революционеров. Во время единственного заседания Учредительного собрания 6 января 1918 г. Фондаминский едва не был застрелен матросом Черноморского флота, охранявшим зал. После разгона Учредительного собрания пе-

решил на нелегальное положение. С лета 1918 г. жил в Одессе, весной 1919 г. вместе с женой эмигрировал во Францию, поселился в Париже.

Фондаминский сыграл большую роль в общественно-культурной жизни русской эмиграции. Он был одним из редакторов ведущего журнала эмиграции «Современные записки» (1920–40). Благодаря Фондаминскому журнал был открыт для авторов различных направлений общественно-политической мысли и различных литературных течений. Так, в журнале публиковались работы Л. Шестова, С. Франка, Г. Флоровского, Д. Мережковского; художественные произведения И. Бунина, В. Набокова, А. Ремизова, М. Алданова. Фондаминский оказывал большую помощь деятелям русской культуры. Так, он оплатил издание книг (восемнадцать тысяч франков) тех авторов, чьи работы были напечатаны в журнале, помогал начинающим писателям, занимался организацией различных литературных вечеров, в том числе В. Набокова. По инициативе Фондаминского и во многом на его средства был создан Русский театр в Париже. В эмиграции Фондаминский постепенно стал консервативно-христианским мыслителем. В журнале «Современные записки» (с 1920 по 1940 г.) публиковалась серия из 17-ти статей Фондаминского под общим названием «Пути России», где, в частности, самодержавие названо «политической верой русского народа», а Московское царство – «высшим раскрытием русской идеи в прошлом». Фондаминский видел спасение России в своеобразном синтезе идей христианства, социализма, самодержавия и свободы. Он считал, что небольшая группа его единомышленников может изменить судьбу России, и мечтал о создании своеобразного «ордена» для осуществления этого. Фондаминский был инициатором и редактором журнала «Круг», объединившего молодых русских литераторов, многие из которых находились под влиянием идей Фондаминского, в том числе герой Сопrotивления во Франции Б. Вильде, писатель Ю. Фельзен (1894–1943), поэт Ю. Мандельштам (1908–43). Фондаминский был также редактором христианских религиозно-философских журналов «Путь» и «Новый град» и оказывал им финансовое содействие.

В июне 1940 г. бежал из Парижа от наступающих немецких войск в неоккупированную зону, но вернулся в Париж. Арестован немецкими властями в июле 1941 г. вместе с многими эмигрантами из России. В скором времени большинство арестованных, русских по национальности, были освобождены, а Фондаминский как еврей был оставлен в лагере (по некоторым сведениям, там крестился). Друзья Фондаминского пытались устроить ему побег, но он отказался от этого, пожелав остаться со своим народом. В 1942 г. был депортирован в Освенцим и уничтожен в ноябре того же года.

Брат Фондаминского, Матвей (1866, Москва, – 1896, Иркутск), революционер. В 1885 г. поступил в Петровскую земледельческую академию. В 1880 г. за участие в народо-вольческом кружке был приговорен к ссылке в Сибирь. 22 февраля 1889 г. участвовал в протесте ссыльных против антисемитских издевательств администрации и конвоя (так называемая Якутская трагедия; см. Россия) и был ранен штыком в живот. Приговорен к пожизненной каторге, которую отбывал в Акатуйской и Зерентуйской каторжных тюрьмах. В 1895 г. освобожден по амнистии, но с запретом на проживание в европейской части России. Вскоре умер от туберкулеза.

О потомках российского «чайного короля» и еврейских деньгах

Документальное повествование
Владимир Хазан

Российский «чайный король» Калонимос-Зеев (Вульф) Высоцкий (1824–1904) вошел в историю не только как один из известнейших и богатейших магнатов и поставщиков чая, не только как отец-основатель чаеоторговой фирмы «В. Высоцкий и К°», но и – уже не в метафорическом, а в прямом смысле – как глава фамилии, большого и разветвленного семейства, интереснейшая и драматическая история которого, быть может, когда-нибудь будет написана. В документах, которые я намереваюсь ниже привести и рассмотреть, главное внимание сосредоточено на двух ближайших отпрысках Вульфа Высоцкого: его внуках Михаиле Цетлине (1882–1945) и Абраме Гоце (1882–1940), представлять которых подробно вряд ли есть особенная нужда – жизнь и судьба того и другого уготовили им заметное место в российской истории.

Слева направо. Мария Цетлина, Шурочка (дочь Марии от брака с Н. Авксентьевым), Анна Цетлина (урожденная Высоцкая), Осип Цетлин (сидит), Валентин (сын Марии и Михаила), Михаил Цетлин. 1917 год

Михаил Цетлин, поэт (писавший стихи под псевдонимом Амари), критик, исторический романист, издатель, переводчик, родился в семье Анны Вульфовны Высоцкой (1860–1935), дочери чаепромышленника, и купца Есея (Осипа) Шмерковича (Семеновича, Сергеевича) Цетлина (1856–1933), который был одним из компаньонов тестя. Как почти все его родственное и дружеское окружение: Гоцы, Гавронские, брат и сестра Фондаминские (Илюша и Рая), будущая жена Маня (Мария Эмилия) Тумаркина и другие – Миша Цетлин с юных лет разделял революционно-демократические убеждения, причем в их наиболее решительной и энергичной по тем временам форме – эсеровской идеологии. Судя по всему, у мягкого и интеллигентного юноши, к тому же не отличавшегося богатырским здоровьем (в детстве он перенес костный туберкулез, отчего всю жизнь заметно хромал), эсеровский экстремизм не имел столь агрессивного характера, как, скажем, у его кузена боевика Абрама Гоца, одного из апостолов

российского террора. Однако в общую идею отречения от старого мира Миша Цетлин верил полно и всецело. Будучи замешан в революционных событиях 1905–1907 годов, он затем скрывался от полиции за границей как политический эмигрант, поскольку на родине его неминуемо ждал арест и судебное разбирательство. По существу, об этом и идет речь в публикуемых ниже документах полицейского ведомства, где далеко не новая тема щедрой оплаты эсеровского террора нажитыми на чайной торговле финансами обретает лапидарную и едва ли не детективную форму.

В дальнейшем, не порывая связи – идейной и в особенности человеческо-приятельской – с эсеровскими кругами, Цетлин прямого и активного участия в политической жизни не принимал. Его интересы сосредоточились на том, что ему было более близко и интересно, – на изящных искусствах, поэзии, меценатстве, библиофильстве, литературной критике, исторической беллетристике, переводах. Хорошо известно, что позднее, когда пришлось бежать от большевиков, он стал редактором отдела поэзии в самом крупном русском эмигрантском журнале «Современные записки» (1920–1940), издававшемся в Париже. Хорошо известно и то, что квартира Цетлиных (в 1910 году Михаил Осипович женился на Марии Самойловне Тумаркиной, в первом браке Авксентьевой) в разные годы и в разных странах была популярным местом встреч интеллигенции и, если угодно, представляла художественно-литературно-политический салон, где перебивали многие известные люди: от художников и поэтов – П. Пикассо, Д. Риверы, В. Серова, Л. Бакста, Б. Пастернака, М. Цветаевой, А. Белого, В. Маяковского до политических деятелей – А. Керенского, П. Милюкова, Б. Савинкова... Список этот можно пополнять и пополнять. О дружбе Цетлиных с М. Волошиным или Н. Гончаровой и М. Ларионовым, Буниными и В. Ходасевичем, А. Толстым и И. Эренбургом, о помощи нуждавшимся писателям, об организации их изданий и учреждении фактических стипендий, т. е. о меценатстве в чистом виде, требуется особый разговор. Впрочем, об этом много писалось, как и о том, что гостеприимный салон Цетлиных кочевал вместе с хозяевами из Парижа, где они находились в первой эмиграции, в Москву, куда вернулись после Февральской революции, затем вновь в Париж, когда бежали от большевиков в свое второе изгнание, и далее – в Нью-Йорк от немцев, пережив уже третью по счету эмиграцию. Воспоминания о цетлинском салоне оставили многие посещавшие его: Д. Бурлюк и Б. Пастернак, И. Эренбург и П. Антокольский, Б. Зайцев и С. Поляков-Литовцев, М. Вишняк и А. Бахрах. О том же свидетельствует сохранившийся альбом Марии Самойловны, который несколько лет назад увидел свет благодаря стараниям Н. Винокур⁴⁶. Все это, повторяем, хорошо известно. Гораздо меньше освещен эпизод из политической биографии Михаила Цетлина: о том, как полицейским ищейкам долго не удавалось сообразить, где именно за границей он отсиживается, дабы избежать наказания; как Цетлин-отец, хлопоча за сына, обратился к царю; как к его просьбе о помиловании были привлечены влиятельные лица; как засуетились агенты охраны, выполняя распоряжение верховного начальства представить полную информацию, куда исчез внук Высоцкого, где он сейчас и какую опасность представляет для отечества; и, наконец, почему

⁴⁶ См.: Винокур Н. «Всю нежность не тебе ли я несу...»: Альбом Марии Самойловны Цетлиной // Наше наследие. 2004. № 72. С. 52–67.

ЧАЙНЫЙ ДОМ

ходатайство на августейшее имя осталось неудовлетворенным и добиться прощения попавшего на родине в «проскрипционные списки» Цетлина так и не удалось. Этому и посвящен первый рассказ.

Во втором речь пойдет об упомянутом выше цетлинском кузене Абраме Гоце, материю которого была другая дочь «чайного короля» – Рахель. Одиссея Абрама Рафаиловича, в советские времена фактического или потенциального обитателя ГУЛАГа, развивалась по хорошо накатанному сценарию: регулярные отсидки чередовались с короткими «отпусками» на свободу – с поражением в правах; после этого следовал новый виток: приговор и возвращение в лагерный барак или на поселение. Подобно старшему брату Михаилу (1866–1906), одному из основателей эсеровской партии, Абрам был с молодости болен революционной утопией. Он стал эсером, учась на философском факультете Берлинского университета, в 1905 году вступил в ряды Боевой организации и принимал непосредственное участие в подготовке несостоявшихся покушений на министра внутренних дел П.Н. Дурново и полковника Н.К. Римана (охранка раскрыла их благодаря Азефу). Был узником Петропавловской крепости и Александровского централа.

После большевистского переворота продолжал террористическую борьбу – уже против новой власти. Существует мнение, что именно он санкционировал покушение Ф. Каплан на Ленина в августе 1918 года. Один из немногих представителей семейства чайных фабрикантов, оставшихся в Советской России, Гоц, начиная со знаменитого процесса над эсерами в 1922 году, провел в лагерях и ссылках гораздо больше времени, нежели на свободе. Легендарный бомбист, мастер «красного цеха», наводивший ужас на правительственную элиту, при большевиках он сам стал жертвой кровавого насилия. Последний приговор – 25 лет лишения свободы – Гоц получил 20 июня 1939 года, место захоронения, разумеется, неизвестно. Там же, в гулаговской бездне, сгинула его жена Сара Николаевна.

Произошедшая в жизни Гоца метаморфоза – вчерашний террорист, сам оказавшийся в лапах террора, – разумеется, нисколько не нова для эпох революционно-апокалипсических потрясений и, возможно, вряд ли могла бы претендовать на какой-то особый интерес, не вмешайся в дело одно пикантное обстоятельство. В израильском архиве Пинхаса Рутенберга (1878–1942), знаменитого организатора убийства попа Гапона, перековавшегося в течение жизни из террориста в сиониста и закончившего свой путь основателем и директором электрической компании в Эрец-Исраэль, хранится любопытное свидетельство о сталинском узнике Абраме Гоце. Бесправный советский «зэк», превращенный в «лагерную пыль» и подвергшийся нечеловеческим унижениям, был в то же самое время не просто состоятельным, а по-настоящему богатым человеком – владельцем цитрусовых плантаций (пардесим) в Палестине. Его годовой доход составлял весьма кругленькую сумму (в публикуемых ниже письмах говорится об одной из плантаций-пардесов, которой эти владения отнюдь не ограничивались). Объяснялось это достаточно просто: отец Гоца Рафаэль (Рафаил), зять Вульфа Высоцкого, как и отец Михаила Цетлина, был также компаньоном чайной фирмы. Он умер в Крыму в 1920 году, завещав 50 тыс. франков Еврейскому национальному фонду. На

эти деньги в Палестине были приобретены земли, принадлежавшие его сыну Абраму. Почти за 20 лет благодаря им накопился солидный капитал, единственным владельцем которого был «враг народа» Гоц, расплачивавшийся в советском лагере за свои политические убеждения и революционные идеалы.

Знал ли о том он сам и, если знал, как к этому относился – история умалчивает. Впрочем, если и знал, то что он, убежденный враг собственности, с одной стороны, и советский «зэк», с другой, мог бы сделать с этими владениями и капиталами? Но сама по себе ситуация выглядит весьма причудливой, если не экзотичной. И уж во всяком случае, как кажется, заслуживающей читательского внимания. Ей и посвящен второй рассказ.

Оба сюжета – документальные. Все документы в первом из них приводятся по подлинникам, хранящимся в архиве Особого отдела Департамента полиции (ГА РФ, ф. 102, 1913 г., ед. хр. 257), во втором – по письмам из архива П.М. Рутенберга (Хайфа, Израиль).

1. «Препровождая при сем...»

Итак, в чем заключалась суть «дела Цетлина»? Московские книгоиздательства леволиберального эсеровского толка, входившие в «Союз издателей социалистов-революционеров»: «Молодая Россия», «Новое товарищество», «Народная мысль», «Колокол» и другие, которые возникли после Октябрьского манифеста и просуществовали вполне легально примерно год, в конце 1906-го, в пору наступившей реакции, подверглись преследованиям, конфискации литературы, закрытию и арестам работников. Была изъята почти вся хранившаяся в этих издательствах переписка. Жандармские власти признали их опасность для режима, хотя прокурор Московской судебной палаты не нашел в действиях этих издательств состава преступления и 3 января 1907 года уведомил начальника Охранного отделения, что «не усматривает оснований для возбуждения по содержанию этой переписки формального дознания или предварительного следствия». Однако в Московском жандармском управлении распорядились иначе: 18 человек, имевших непосредственное отношение к деятельности издательств, были привлечены к дознанию. Среди них оказался Михаил Цетлин, которому вменялась в вину финансовая поддержка этой деятельности. 6 января, после начавшегося дознания Цетлина, который входил в редакционный совет «Молодой России», арестовали и взяли с него подписку о невыезде (или, как говорили тогда, «подписку о неотлучке»). Но, несмотря на запрет, он выехал за границу и тем самым лишил следствие возможности прийти к какому-то определенному выводу; официальная причина отъезда была связана с необходимостью лечения.

Особое присутствие Московской судебной палаты рассмотрело это дело только в декабре 1912 года и лишь двоих подсудимых – Богословского и Кузнецова – признало виновными по статье 102 и приговорило к ссылке на поселение. Остальные были оправданы. Издатель Новожилов был осужден по статье за недоносительство с кратким заключением в крепости. Другой издатель – Гуров, который судился отдельно –

ЧАЙНЫЙ ДОМ

не в Московской, а в Санкт-Петербургской судебной палате, был также оправдан по статье 102 и осужден за недоносительство.

21 февраля 1913 года в связи с амнистией, объявленной в честь 300-летия дома Романовых, были прощены Богословский и Новожилов. И лишь решение дела Цетлина застопорилось.

Слева направо. Осип Сергеевич Цетлин, Михаил и Мария Цетлины (сидят), Ангелина Цетлина (дочь Михаила и Марии; стоит) и неизвестные. Париж. Конец 1920-х – начало 1930-х годов

Это не значило, конечно, что он выпал из поля зрения всеведущей охранки, но внешнее наблюдение за ним велось как-то вяло, «без огонька», да к тому же сопровождалось немалой путаницей. По существу, заграничные агенты следили в Париже не за тем Цетлиным (Цейтлиным)⁴⁷: вместо Михаила Осиповича в донесениях всплывают фигуры его однофамильцев – то Абрама Шимонова Цейтлина, бухгалтера на автомобильной фабрике «Астра», то сына гомельского мещанина, парижского студента Лейбы Беркова Цейтлина (клички, установленные во время наблюдения: «Венский» и «Дивный»). Прошло немало времени (судя по донесениям, несколько лет), пока было установлено, что бухгалтер и студент никакого ровным счетом отношения к «нужному» Цетлину не имеют.

*Его превосходительству
Господину Директору
Департамента Полиции*

*Совершенно секретно
Особый отдел
20 сент. 1908
Вход. № 28156*

⁴⁷ Обычное вариативное написание этой фамилии: Цетлин и Цейтлин. В случае Михаила Осиповича аутентичной является фамилия Цетлин (без «й»), но даже в речи людей, близко его знавших, не говоря уже о не отличавшихся большой литературной изысканностью и элементарной грамотностью полицейских документах, используется Цейтлин. В дальнейшем во всех случаях оставлен язык оригинала.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

Вследствие предписания от 18 августа с. г. за № 103185 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что Цейтлин, упоминаемый в циркуляре Департамента Полиции от 18 декабря 1909 г. за № 140941, имя и отчество коего агентуре неизвестны, ничего общего с Цейтлиным, служащим бухгалтером на автомобильной фабрике «Астра», не имеет.

Первый из них происходит из богатой еврейской купеческой семьи, проживающей в Москве. В родстве с Ильей Фондаминским не состоит⁴⁸. Года 1[1]/2-2 тому назад женился законным браком на бывшей сожительнице Авксентьева Марии Тумаркиной. Живет в Париже в доме № 91 по Avenue Henri Martin, занимая дорожную квартиру, на обмелирование [омеблирование] и отделку которой им было затрачено около 80 тысяч франков. Средства к жизни получает от своих родителей.

Приметы Цейтлина: лет 30-ти, среднего роста, шатен, небольшие усы, волосы на голове темно-русые, сильно вьющиеся, глаза карие, нос горбинкой; лицо вообще красивое. Особая примета: сильно заметная хромота, благодаря тому, что одна нога короче другой. Одевается изысканно.

*За Заведующего Заграничной Агентурой
Сушков
№ 1459
Париж
16/29 сентября 1913 г.*

При этом студент Цейтлин – Лейба Берков (он же – Шмерков) – оказался не просто «перепутанным объектом», но лицом, за которым, в свою очередь, также велось наблюдение. В донесениях заграничной агентуры какое-то время двое этих Цейтлиных, сливаясь и размежевываясь, существовали то параллельно, то в одном лице. Захватывающий сюжет с подставными и ложными фигурами данного полицейского романа этим, однако, не исчерпывался. На каком-то этапе он достиг подлинно маразматического апофеоза благодаря тому, что в него вплелось еще одно имя – Меера Гавронского, которого агенты также отождествляли с Михаилом Цетлиным:

*[На бланке:]
МВД
Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве
18 октября 1913 года
№ 30045
г. Москва
На № 108402
По 3 Отделению
[Отметка Особого отдела:]
21 окт. 1911*

⁴⁸ В предыдущих донесениях российских филеров, перепутавших Цейтлиных, делался упор на его родстве с И. Фондаминским.

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Вход. 31340

Секретно

Проживающий в Париже, д. 91 по Avenue Henri Martin Цейтлин может оказаться сыном Московской 1-й гильдии купца и родственником Московского чаеоторговца Высоцкого, Меером Ошеровичем Гавронским, кандидатом философии Марбургского Университета.

Названный Гавронский в 1907 г. состоял членом Центрального областного комитета партии социалистов-революционеров, являясь центральной фигурой и руководителем такового; сторонником террора; по постановлению г. министра внутренних дел подлежал в 1907 г. высылке под гласный надзор полиции на два года в Тобольскую губернию, каковая высылка была ему заменена выездом за границу на тот же срок.

Препровождая при сем собственноручную подпись Меера Гавронского и его фотографическую карточку, которая имеет сходство с приметами, указанными в записке от 25 минувшего сентября за № 104521, прошу Департамент полиции, если установочные данные подтвердятся, уведомить меня для соответствующей регистрации.

В начале сего года во вверенное мне Отделение поступили сведения, что бывший член областного комитета партии соц[иалистов]-рев[олюционеров], партийная кличка «Светлов» (названный выше Гавронский), проживая за границей, женился на Серафиме Тумаркиной; за границей оказывает денежную помощь членам партии и иногда бывает в «группе содействия».

К сему присовокупляется, что, как усматривается из дел Отделения, Гавронский, находясь в 1903 г. в Марбурге, во время падения причинил себе повреждение коленного сустава правой ноги, вследствие чего имел сильную хромоту на эту ногу.

Подполковник

Подпись

Как видим, у нашего героя (точнее будет сказать, у героя недремлющего российского сыска) появился «двойник», сходство которого с «оригиналом» (мы помним, что Цетлин хромал) усиливалось его хромотой. Бюрократическо-полицейская путаница разрасталась: поскольку, как было сказано, Цетлин в 1910 году женился на Марии Тумаркиной, разведшейся с предыдущим мужем – хорошо известным полиции эсером Н.Д. Авксентьевым, по донесениям «гороховых пальто» получалось так, что от Авксентьева Тумаркина ушла к Гавронскому. Благодаря чьей-то очередной неточности Мария в полицейских реляциях превратилась в Серафиму, и таким образом был произведен фантом, сильно напоминающий тыняновского подпоручика Кижэ: Серафима Тумаркина, жена Меера Гавронского.

Но и это не все. Какая-то тень неуверенности в проводимых идентификациях у заграничной агентуры, вероятно, оставалась. Поэтому, по одним донесениям, покинув Авксентьева, Тумаркина уходила к Цетлину, по другим – к Гавронскому. Обнаружив

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

сию явную несуразность, и. о. вице-директора Департамента полиции Васильев писал 20 февраля 1914 года в секретном письме, адресованном начальнику Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве, или попросту в московскую охранку:

Вследствие сего Департамент Полиции просит Ваше Высокоблагородие принять меры к подробному обследованию личностей сыновей московских 1-й гильдии купцов Михаила Иоселева-Осипова Цетлина и Меера Ошерова Гавронского в целях выяснения, кто именно из них является отмеченным заграничной агентурой и значащимся в циркуляре за № 140941 и предложении Департамента за № 104521 1913 года лицом, о результатах чего с приложением всех имеющихся в делах Отделения о названных лицах сведений сообщить Департаменту в самом ближайшем времени.

Михаил Осипович Цетлин. 1910-е годы

Дабы не опираться в столь тонком вопросе портретной идентификации на словесные описания агентов, нередко крайне неуклюжие и полные «отсебятины», а придать делу необходимую точность и скрупулезность, Особый отдел просит 8-е Делопроизводство изготовить копии фотографий Гавронского. Причем самое интересное, что подозрение о том, что Цетлин – это, возможно, не кто иной, как Гавронский, возникает в головах детективов еще в октябре 1913 года, а представление фотокарточки для дублирования в двух экземплярах происходит через три с половиной месяца – в конце января следующего года. Неспешно, однако, трудилась русская полиция!

*В 8-ое Делопроизводство
Департамента полиции*

Препровождая при сем фотографическую карточку сына Московского 1-й гильдии купца, кандидата философии Марбургского университета Меера Ошерова Гавронского, Особый Отдел просит 8-ое Делопроизводство изготовить и препроводить ему 2 экземпляра копии означенной фотографии.

Подпись

Исполняющий дела Заведующего Особым Отделом

М. Броецкий

№ 105803

30 октября 1913 года

ЧАЙНЫЙ ДОМ

29 янв. 1914 г.

Сделаем в этом месте небольшую передышку, которую имеет смысл заполнить сведениями о Меере (или привычней – Дмитрие) Гавронском (1883–1949). Еще один внук все того же Вульфа Высоцкого, сын его дочери Либы (Любови) Мириам Вульфовой (Васильевны) (1845–1930) и ученого-талмудиста Ошера (Осипа) Гавронского, Дмитрий (Меер) Осипович был одной из самых ярких фигур среди всего многочисленного и незаурядного семейства. Сдав экстерном экзамены во 2-й московской гимназии, он учился философии в Марбургском университете у знаменитого Германа Когена, числившего его своим любимым учеником и духовным наследником. В 1910 году Дмитрий защитил в Марбурге докторскую диссертацию по философии и там же начал научную карьеру. Затем был профессором Бернского университета. Едва ли не по семейной традиции третьего поколения дома Высоцких вступил в эсеровскую партию и впоследствии был членом Учредительного собрания (от Симбирской губернии), а в 1918 году вместе с Н.С. Русановым, И.А. Рубановичем, В.М. Черновым и В.В. Сухомлиным входил в Заграничную делегацию ПСР на мирной конференции социалистов разных стран в Стокгольме. Писал под псевдонимом Светлов. В начале второй мировой войны переехал в Нью-Йорк, а по ее окончании принимал участие в работе комиссии по подготовке материалов к Нюрнбергскому процессу. Был женат – разумеется, не на Марии (или «фантомной» Серафиме) Тумаркиной, а на Марии Сергеевне Шмерлинг. Ближко знавший Гавронского Марк Вишняк вспоминал о нем:

Гавронский обладал совершенно исключительными способностями – редкой памятью, владел словом, был начитан и осведомлен в самых разнообразных науках и областях: политике, литературе, математике, истории, философии, революционном движении. Я наверняка не исчерпал всех областей его знаний – назвал только те, о которых мне было доподлинно известно. Он мог читать доклады и говорить, говорить, говорить часами, без запинок, на память и не готовясь, и его всегда было не только поучительно, но и интересно слушать. Он имел, конечно, успех – у квалифицированных слушателей и в широкой аудитории. Быстро выдвинулся он и на политическом поприще. <...> Личные и семейные связи ему, конечно, помогли, но для желательного результата необходимо было, чтобы и публичные выступления кандидата произвели благоприятное впечатление на массу избирателей⁴⁹.

О феноменальных способностях Гавронского писал в его некрологе Владимир Зензинов:

...у него была феноменальная память. Мы – да, кажется, и он сам – любили проделывать с ним такой опыт: брали какую-нибудь мудреную книгу и читали из нее вслух страницу. – А ну, Митька, повтори! – И Митя ее тут же безошибочно повторял – это было чем-то похожим почти на фокус. Помню, как он таким образом повторил прочитанную ему страницу из «Психологии» Спенсера. Понял ли он ее, я не знаю – не совсем уверен, что и мы сами тогда ее понимали...

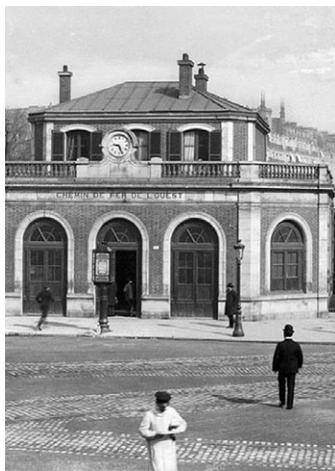
⁴⁹ Вишняк М. Годы эмиграции. 1919–1969. Париж–Нью-Йорк (Воспоминания). Hoover Institution Press, Stanford University, 1970. С. 157–158.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

<...> уже тогда, в свои студенческие годы, он поражал широтой своего духовного охвата: он занимался не только теорией познания, метафизикой, но также математикой, психологией, физикой, социологией. Герман Коген многим говорил, что видит в Гавронском своего будущего заместителя и наследника.

Он, казалось, знал решительно все – не только в области умозрительных и точных наук, но и в сфере литературы – русской и европейской, в области наук гуманитарных. Он был специалистом по Гете, Ницше, Достоевскому, знал литературу всех народов, о философии и говорить нечего – в ней он был как у себя дома. Мало того – у него можно было получить справку по любому вопросу, он просто действительно все знал⁵⁰.

А однокашник Дмитрия по Марбургскому университету Б. Пастернак в письме отцу от 29 мая 1912 года определял Гавронского как «идеал точности и такой научности, которой прежде всего нет и у самого Когена»⁵¹.

**Авеню Анри Мартен в Париже, где жил Михаил Цетлин.
Открытие. Около 1900 года**

Итак, два подозрительных субъекта: оба евреи, оба дети московских купцов 1-й гильдии, оба хромают – можно понять происхождение головной боли у добросовестных, но, по всему видно, недалеких полицейских служаков, которым был доверен порядок и безопасность огромной империи. Плохо или хорошо, скоро или нет, с фотокарточками или без, но задачу с двумя с половиной неизвестными – хромающими сыновьями евреев-купцов и ушедшей к одному из них женой известного революционера

⁵⁰ Зензинов В. Памяти Дмитрия Осиповича Гавронского // Новое русское слово. 1949. № 13595. 16 июля. С. 3.

⁵¹ Пастернак Е.В., Поливанов К.М. Письма Бориса Пастернака из Марбурга // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1989. М.: Наука, 1990. С. 60. Ценные сведения о Д.О. Гавронском см.: Флейшман Лазарь. Занятия философией Бориса Пастернака // Лазарь Флейшман. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2006 (по индексу имен).

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Авксентьева – заграничная агентура в конце концов все же осилила. В деле Цетлина имеется следующий документ, составленный на основе агентурных сведений:

СВЕДЕНИЯ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

152–1909 г. Особый Отдел. По сведениям заграничной агентуры за ноябрь 1909 г., в Москве проживает некий Цейтлин, богатый молодой человек, хромой, имеющий торговый дом в Москве⁵². Он оказывает денежное пособие Центральному Комитету.

Сведения эти 10 ноября 1909 г. за № 138675 были сообщены Департаментом Полиции и для разработки переданы Начальнику Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве, который 19-го января 1910 г. за № 247530 уведомил, что жертвователем денег на революционные цели в Центральный Комитет партии социалистов-революционеров является несомненно весьма состоятельный человек, сын Московского 1-й гильдии купца Михаил Иоселев-Осипов Цетлин, 27 лет, проживающий ввиду болезни ног «туберкулезом» за границей. Означенный Цетлин, по сведениям вышеназванного Отделения, приходится двоюродным братом известным своей неблагонадежностью супругам Александру Самойлову и Нине Петровой Высоцким, которые были содержателями и соответственными руководителями ликвидированных в Москве в 1906 году книгоиздательств «Новое Товарищество» и «Молодая Россия», с коими Цетлин тогда имел по означенным книгоиздательствам деловые отношения. Кроме того, в 1905 году было установлено наблюдением, что Цетлин имел сношения с известными революционными деятелями: супругами Фундаминскими, Яковом Гавронским, Абрамом Гоц и др. лицами, проходившими по наблюдению по партии социалистов-революционеров.

262–1910 г. Особый Отдел. По сведениям Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве от 20 октября 1911 года за № 264076, Михаил Осипов Цетлин женат на Эмилии Тумаркиной, разведенной жене выдающегося социалиста-революционера Николая Дмитриева Авксентьева.

Справка составлена 8 февраля 1914 года, причем других сведений по делам Департамента Полиции к означенному числу о данном лице не имеется.

Последний документ происхождением своим был обязан следующему обстоятельству. В начале февраля 1914 года отец Михаила Цетлина Есель (Осип) Цетлин обратился к Николаю II с прошением проявить царскую милость и позволить его сыну беспрепятственно вернуться в Россию, поскольку почти все участники того давнего и шумного дела об издательствах по воле монарха прощены и находятся на свободе и лишь судьба Михаила Цетлина, чей страх перед расплатой за несовершенно преступление поставил его вне закона, остается нерешенной. Письмо Цетлина-старшего было, конечно, хорошо продумано и составлено по всем правилам челобитного искусства. Был ли заранее ознакомлен с текстом Цетлин-младший, неизвестно, но вряд ли прошение могло быть подано царю без его воли и ведома.

⁵² Как было сказано, Цетлин жил в это время в эмиграции в Париже.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

Итак, вот его текст:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

АВГУСТЕЙШИЙ МОНАРХ

ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ

Согласно штампам

4 февраля 1914

Вход. № 352

Милосердие, излитое в Всемилоостивейшем Манифесте, даровавшем прощение провинившимся и впавшим в преступление, дает мне надежду, что ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО милостиво выслушаете мою просьбу, старика отца. Над единственным сыном моим, Михаилом Осиповичем Цетлиным, с детства больным, вот уже семь лет тяготеет обвинение, которое разбивает не только его жизнь, но и мою. Обвинение тяжкое. Мой сын привлечен к ответственности по 102-й ст. Уголовного Уложения как соучастник организаций, занимавшихся издательством книг преступного революционного содержания, по причинам совершенно случайным, и если ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, снизойдя к моему горю, Всемилоостивейше повелите расследовать это дело, невинность его будет установлена.

Много лет тому назад, находясь на излечении в одном из заграничных курортов, мой сын, с детства страдавший туберкулезом в тяжелой форме (коксит), познакомился с неким Л.И. Гомелля, лечившимся вместе с ним, и с тех пор установились между ними личные хорошие отношения. В 1906 г. Гомелля, будучи владельцем книгоиздательства, обратился к моему сыну с просьбой оказать ему материальную помощь на это дело. Из чувства личного расположения к Гомелля мой сын не отказал ему в его просьбе, но сам фактически участия в деле принять не мог уже в силу своего болезненного состояния. В октябре 1906 г. и январе 1907 г. в издательстве Гомелля, по поручению Московского Охранного Отделения, произведены были обыски. Несмотря на то, что Прокурор Московской Судебной Палаты, ознакомленный с результатами этих обысков, категорически высказался в том смысле, что «не усматривает оснований для возбуждения формального дознания или предварительного следствия», Московское Жандармское Управление все же приступило к дознанию и привлекло в качестве обвиняемых 18 человек, среди которых находился и мой сын.

<...> Как отец, имевший полную возможность наблюдать за каждым шагом своего единственного больного сына, знающий хорошо его настроение, мысли и отношения к событиям политической и общественной жизни, я позволю себе утверждать, что сын мой не состоял и не состоит в рядах какой бы то ни было политической нелегальной организации.

Фактическим подтверждением верности моего убеждения служит то обстоятельство, что сын, достигший к концу 1906 г. 24-летнего возраста, ни разу не подвергался обыскам и взысканиям в административном порядке и ни разу не привлекался к дознаниям по политическим или иным делам. Это может быть удо-

ЧАЙНЫЙ ДОМ

стOVERено справками по Департаменту Полиции, что подтвердит, что никакими компрометирующими моего сына фактическими сведениями Департамент Полиции не располагал и не располагает.

<...> Если бы сын мой был здоров, если бы он мог оспаривать свою вину, я убежден, что он доказал бы свою невинность еще в стадии первоначального следствия и во всяком случае на него распространился бы Всемилостивейший ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифест. Но страшен был не суд, не приговор суда, а ожидание суда и сопряженное с ним тюремное заключение и всякого рода волнения. Зная тяжкую болезнь моего сына, я не мог решиться употребить свое отцовское влияние и советовать ему подвергнуться этому тяжелому испытанию. Для меня, знающего его болезнь, было совершенно ясно, что даже временное заключение в тюрьму превратило бы его на многие годы в совершенного калеку.

Таким образом, как ни тяжело было сыну расстаться с родиной, но после больших колебаний он вынужден был уклониться от первоначального следствия и поэтому не мог дать тех объяснений, которые несомненно изменили бы отношение к нему жандармских властей и сняли бы с него тяжелое обвинение по 102-й статье Уголовного Уложения.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Семь лет тому назад сын мой был юным, одиноким человеком, и тогда он был вне всяких политических партий, и тогда он не был захвачен революционным движением. Теперь же ему более 30 лет, он женат, у него ребенок и он вполне благонадежный человек, единственная забота которого – благополучие его семьи. Глубоко верю, что если бы он сейчас вернулся и отдал себя в руки правосудия, он был бы оправдан. Но он сделать этого не может по тем же причинам, по которым он вынужден был уклониться от следствия. Наличие же обвинения по 102-й ст., особенно в связи с невольным уклонением от следствия, приведет к тому, что его, как только он попытается доказать свою невинность, немедленно заключат под стражу, что при болезни его кокситом окончательно его погубит, что страшнее самого судебного приговора.

Я страдаю в разлуке с сыном, его присутствие прямо для меня необходимо. Мне необходимо посвятить его в мои дела, которые должны к нему перейти и которые без него должны будут прекратиться. Знаю, что и он томится в разлуке с родиной и со мной. Но в то же время у меня не хватает сил советовать ему подвергнуть себя испытанию, за которое он заплатит такой дорогой ценой. Я не могу ему советовать рисковать своей жизнью и притом только для того, чтобы дать ответ за деяния, которых он не совершал, дать ответ за деяния, хотя им и совершенные, но давно Монаршею ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА милостию прощенные.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, в радостные дни юбилея ЦАРСТВЕННОГО ДОМА ВАШЕГО даровали прощение другим, осужденным за неизмеримо более тяжкие вины. Умоляю ВАС, ГОСУДАРЬ, оказать ВАШУ милость моему сыну и мне, его отцу: повелите расследовать его вину путем справок за Департамент Полиции и СВОЕЙ ДЕРЖАВНОЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

волею повелите предать забвению, прекратить дело моего сына, избавив его и меня от тяжелого испытания, ниспосланного нам судьбой.

Из канцелярии его императорского величества прошение Еселя Цетлина было переправлено министру внутренних дел Н.А. Маклакову со следующим сопроводительным письмом:

*Канцелярия
Его Императорского Величества
по принятию решений
4 отделение
3 стол
14 февраля 1914 г.
№ 14579
При сем 2 приложения
Господину Министру Внутренних Дел*

Потомственный почетный гражданин Есель Цетлин обратился к ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ со всеподданнейшим прошением о прекращении возбужденного в 1906 г. против его сына, Михаила Цетлина, уголовного преследования по 102-й ст. уголовного уложения по обвинению в соучастии в организации, занимавшейся издательством книг революционного содержания.

Вследствие сего предварительно дальнейшего направления настоящего прошения имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сообщить, с возвращением приложений, сведения о том, насколько произведенным по сему делу Московским губернским управлением дознанием установлена виновность Михаила Цетлина в инкриминируемом ему преступлении, а также Ваше, Милостивый Государь, заключение по вопросу об удовлетворении настоящего ходатайства в путях МОНАРШЕГО Милосердия.

*Главноуправляющий
Егермейстер Подпись⁵³*

Портрет Михаила Цетлина неизвестного автора (возможно, кисти Иды или Елены Высоцких)

⁵³ Мамантов Василий Ильич (1863–1928), член Государственного совета, егермейстер, главноуправляющий канцелярией его величества по принятию решений.

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Своим обращением к Государю императору Еселя Цетлин, сам того не подозревая, закрутил департаментскую карусель российского сыска. Тогда-то – после команды сверху – и пришли в движение маховики этого огромного монстра: составление сколько-нибудь ясной картины, перейдя в разряд осознанной служебной необходимости, наполнилось оперативным смыслом.

В ответ на запрос царской канцелярии из Министерства внутренних дел последовало следующее письмо:

Милостивый Государь Василий Ильич,

Вследствие отношения Канцелярии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА от 14 февраля сего года за № 14579 с возвращением всеподданнейшего прошения потомственного почетного гражданина Еселя Цетлина, ходатайствующего о прекращении возбужденного против его сына Михаила Цетлина уголовного преследования по 102-й ст. Уголовного Уложения, имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству, что сын просителя Михаил Еселев Цетлин был привлечен к производившемуся в 1907 году при Московском Губернском Жандармском Управлении формальному дознанию по делу о «Союзе издателей социалистов-революционеров в г. Москве» по обвинению его в преступлении, предусмотренном 102-й ст. Уголовного Уложения. Основанием для привлечения Михаила Еселева Цетлина к означенному дознанию послужила принадлежность его к редакционной комиссии книгоиздательства «Молодая Россия», входившего в состав «Союза издателей социалистов-революционеров». После допроса по этому делу в качестве обвиняемого Михаил Еселев Цетлин был обязан подпиской о неотлучке с места жительства, но до рассмотрения дела скрылся. Оконченное производством дознание было передано 24 декабря 1909 г. Прокурору Московской Судебной Палаты, по заключению которого, утвержденному 22 апреля 1910 г. определением Московской Судебной Палаты, дело в отношении скрывшегося Михаила Еселева Цетлина выделено и до настоящего времени за нерозыском его Судебной Палатой не рассмотрено.

К изложенному имею честь добавить, что, как видно из дела Департамента Полиции, Михаил Еселев Цетлин, скрывшийся за границу и проживающий там до настоящего времени, в 1909 г. жертвовал деньги на нужды Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, почему удовлетворение ходатайства его отца в путях МОНАРШЕГО милосердия полагал бы нежелательным.

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

« » марта 1914 г.

Исполнитель подпись

Второй экземпляр этого письма, находящийся в деле Михаила Цетлина, не подписан, но, судя по всему, он шел от лица товарища министра В.Ф. Джунковского. Как и положено, готовя ответ в царскую канцелярию, товарищ министра распорядился сделать

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

запрос в Департамент полиции, откуда поступил документ за подписью и. о. вице-директора А.Т. Васильева. В нем говорилось:

Вследствие резолюции Вашего Превосходительства на представляемом отношении Канцелярии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА по принятию прошений от 14 сего Февраля за № 14579 по делу Михаила Еселева Цетлина Департамент Полиции имеет честь доложить Вашему Превосходительству, что в делах Департамента никаких сведений о прежних привлечениях Михаила Еселева (Осипова) Цетлина не имеется, а по делу о «Союзе издателей социалистов-революционеров», на которое указывает в своем прошении Есель Цетлин, был привлечен лишь Михаил Львов Цетлин.

Докладывая об изложенном, Департамент Полиции имеет честь присовокупить, что сего числа по делу Михаила Осипова Цетлина запрошены сведения от прокурора Московской судебной палаты.

Зам директора

Исп. обяз. Вице-Директора

Неожиданную остроту этой переписке придало подключение к цетлинскому делу влиятельных лиц из числа именитых русских фамилий. Просьбу «помочь несчастному старику отцу» направил В.Ф. Джунковскому барон Г.Г. Врангель, который, как явствует из его письма от 22 февраля 1914 года, был не одинок: до этого с аналогичным устным ходатайством «обратить <...> доброе внимание на всеподданнейшее прошение старика Цетлина о помиловании его сына» к всесильному товарищу министра и командиру Отдельного корпуса жандармов обращалась кузина Врангеля Н. Евреинова:

Фонтанка, 85

Глубокоуважаемый Владимир Федорович,

Моя кузина Нина Евреинова уже просила Вас обратить Ваше доброе внимание на всеподданнейшее прошение старика Цетлина о помиловании его сына. Как я узнал вчера, прошение это препровождено уже в Департамент Полиции для дачи надлежащих сведений и Вашего заключения и должно на этих днях быть доложено Вам. А так как Нина третьего дня уехала за границу, то я беру на себя смелость беспокоить Вас настоящим письмом, чтобы напомнить Вам об этом деле и ходатайствовать пред Вами помочь несчастному старику отцу в его просьбе.

Искренне Вас уважающий и глубоко преданный

Георгий Врангель

Нина (Антонина) Васильевна Евреинова (урожд. Сабашникова; 1861–1945) действительно была близко знакома с Джунковским. В своих воспоминаниях он называет ее «мой большой друг» и описывает совместные идиллические прогулки в горы во время отдыха осенью 1911 года в Меране:

Мы с ней делали чудесные прогулки, поднимались по воздушной железной дороге на одну из окружающих Меран возвышенностей, где стояла уже полная зима, тогда как

ЧАЙНЫЙ ДОМ

*внизу, в Меране, в это время было еще много цветов. Впечатление получалось огромное, так как такая перемена проходила в течение каких-нибудь четверти часа*⁵⁴.

Воспользовавшись трогательной привязанностью, которую жандармский генерал питал к семейству Сабашниковых вообще и к Нине Васильевне в особенности, Врангель был упорен в своих попытках довести дело о заступничестве за Цетлиных до победного конца. Через несколько дней он пишет новое письмо, на сей раз А.Т. Васильеву:

Фонтанка, 85

Тел. 20–11

Понедельник 2/III 1914

Глубокоуважаемый Алексей Тихонович,

Я вчера слышал, что ввиду предполагаемого вояжа Владимир Федорович уезжает на этой неделе в Крым, и потому беру на себя смелость обеспокоить Вас настоящим письмом, чтобы покорнейше просить Вас, не признаете ли Вы возможным доложить Вл. Фед. Всеподданнейшее прошение Цейтлина до его отъезда, чем премного обяжете искренне преданного Вам и глубоко уважающего Вас Георгия Врангеля

В результате этих обращений в Париж на rue Grenelle, 79, где располагалось российское посольство, а при нем – чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел (читай: шеф заграничной агентуры) А.А. Красильников, полетело распоряжение ускорить донесение о Михаиле Цетлине. Экстренность ситуации, которую там сразу почувствовали, исключала неряшливость, а тем более бьющую в глаза марзматиическую путаницу агентурных сведений. Донесение действительно было подготовлено спешно и с сохранением внешнего правдоподобия, хотя трудно назвать его полностью соответствующим реальности. 13 марта 1914 года А.А. Красильников рапортовал в Департамент полиции:

На бланке

ЧИНОВНИК

ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Директору Департамента Полиции

Совершенно секретно

Вследствие предписания от 20 Февраля с. г. за № 167214 и телеграммы от 3 сего Марта за № 163 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что по справкам, собранным о Цетлине, оказалось:

⁵⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания: В 2-х томах / Под общ. ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во Сабашниковых, 1997. Т. 2. С. 245.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

Цейтлин, Михаил, родился в Москве 28 июня 1882 года, сын Эсселя (Йоселя) и Приски, рожденной Высоцкой, женат на Эмилии Тумаркиной, рожденной в 1882 году, проживает в Париже в доме 91-93 по avenue Henri Martin.

Эти сведения вполне отвечают сведениям, сообщенным Департаменту Полиции Московским Охранным Отделением в 1910 году и изложенным в предписании за № 167214, вследствие чего отождествлять личность Михаила Цейтлина с Меером Ошеровым Гавронским, который является двоюродным братом Цейтлина: его мать, как и мать последнего, будучи сестрами, урожденными Высоцкими, никакого основания не имеется.

Что же касается доклада за № 229 от 4/17 Февраля с.г., в коем мною сообщалось, что данные, сообщенные Департаментом Полиции о Гавронском в предписании от 31 Октября за №105884 вполне подходят к Цейтлину, то это объясняется тем, что в предписании за № 105884 Департамент Полиции давал о Гавронском те самые сведения, которые были представлены мною о Цейтлине в докладе от 16/29 Сентября 1913 г. за № 1459.

О партийной деятельности Цейтлина за границей в последнее время от агентуры никаких сведений не поступало. Живет он в стороне от партийных кругов, и нет указания даже на то, чтобы он оказывал партии материальную поддержку.

Для большей ясности изложенного имею честь доложить, что три сестры Высоцкие вышли замуж за:

- 1) Гавронского
- 2) Готца
- и 3) Цейтлина.

У Гавронских было 4 сына и 1 дочь:

- 1) Гавронский, Дмитрий Осипов, женатый на сестре Минора. Дантист, живет в Москве
- 2) Гавронский, Яков Осипович, был женат на Шабат, с которой развелся и женился в Июле 1913 года на какой-то медичке. Живет в Лондоне, где имеет кабинет и лабораторию
- 3) Борис Осипов, Доктор философии, вышел из Гейдельбергского университета в 1903 или 1904 году. Живет в Марбурге
- 4) имя неизвестно, молодой человек, хулиган, от которого отказались родители
- и 5) Гавронская, Амалия Осиповна, замужем за Ильей Фундаминским.

У Готцев было 2 сына и 1 дочь:

Абрам Готц – в ссылке

Матвей Готц – растративший 2 миллиона, ныне проживает в Париже

Вера Готц – замужем за Мартыновым.

Цейтлин, Михаил Осипов, по матери, урожденной Высоцкой, приходится двоюродным братом Гавронским, Фундаминским и Готцам. Женат на Тумаркиной.

Коллежский советник Красильников

Мария Тумаркина (в будущем жена Михаила Цетлина)

В отношении семей Гавронских и Гоцев у Красильникова произрастает та же «развесистая клюква», что и в предыдущих сочинениях на тему о Серафиме Тумаркиной. Философ Дмитрий (Меер), о котором речь шла выше, перепутан с дантистом Ильей, действительно женатым на Елизавете Минор. Кроме того, его место в Марбурге занял другой брат – Борис (Бер; ?–1932), один из руководителей фирмы «Высоцкий и К°», приятель А.Ф. Керенского, известный коллекционер антиквариата⁵⁵. Под безымянным хулиганом, от которого якобы «отказались родители», по всей видимости, имеется в виду Александр Осипович (1888–1958), в будущем режиссер театра и кино, прототип Сашки Бальца в «Спекторском» Бориса Пастернака. Царский полицейский чиновник будто бы унавоживал почву для своих будущих советских коллег-энкавэдэшников: превратившись из просто «хулигана» в «отпетого отщепенца» и «врага народа», Александр Гавронский проведет при новом режиме много лет в лагерях.

Еще более фантастические сведения сообщаются о семействе Гоцев.

«Растратчик» двухмиллионного состояния Матвей Гоц является, скорее всего, плодом обычной полицейской путаницы. Старшим братом Абрама был не Матвей, а Михаил (1866–1906), один из основателей партии эсеров, к тому времени, когда писалось это донесение, уже покойный. Вера Самойловна Гоц (урожд. Гассох; 1861–1938) – вовсе не сестра братьев Гоц, а жена Михаила Рафаиловича. После его смерти она замуж не выходила и оставалась вдовой до последних своих дней, так что Мартынов в качестве ее мужа такое же изобретение российских сыщиков, как и Матвей Гоц. Целиком на их совести, кроме того, остается установление кровнородственных связей между Фондаминским и Цетлиным, которых на самом деле не существовало.

Однако главную цель подготовленное Красильниковым сообщение все-таки достигало: не сообщая ничего принципиально нового, легший на стол Джунковского документ не расходился с давно существовавшим в полицейском ведомстве однознач-

⁵⁵ Сохранился мандат искусствоведа П.Д. Эттингера, который осенью 1918 года состоял сотрудником-специалистом в Отделе по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса. Мандат был выдан, говорилось в нем, «на право вывоза художественной восточной коллекции Б.О. Гавронского, находящейся на Красносельской улице в складах товарищества В. Высоцкого и К°, в палате № 7, и переезда ее в Музей Восточного искусства у Красных ворот в дом бывшего Гиршмана» (цит. по кн.: Эттингер П.Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников / Сост. А.А. Демская, Н.Ю. Семенова. М.: Советский художник, 1989. С. 162).

ным отношением к отпрыскам богатых фамилий, прежде всего еврейских, не просто игравшим с революционным огнем, а способным зажечь большой политический пожар. Основная опасность с этой точки зрения исходила не от участников митингов и собраний или издателей-распространителей запрещенной литературы – с этими можно было как-то сладить, но от тех, кто финансировал террор. В глазах Охранного отделения главное зло, подлежащее безжалостному искоренению, представляли деньги «чайного короля», пошедшие не столько на запрещенные книжные издания, сколько на приобретение револьверов и «адских машин». Судя по всему, полиция не был известен эсеровский план создания летательной машины для бомбометания, над которой в Германии трудился инженер С.И. Бухало. Вероятно, провокатор Азеф держал эту «козырную карту» в строгом секрете от полиции, дабы воспользоваться ею в критической ситуации. Из строительства «воздушного бомбометателя», как известно, ничего не вышло, хотя сбор средств на него был осуществлен. Борис Савинков, который вместе с Азефом курировал этот проект, среди имен ведущих жертвователей называет в своих «Воспоминаниях террориста» имена Цетлина (3 тыс. рублей), Бориса Гавронского (1 тыс. рублей) и лично ему неизвестного Доенина⁵⁶.

Как можно думать, о самом цетлинском пожертвовании – без уточнения его целей, а лишь о самом факте – Охранному отделению донес тот же Азеф. Поскольку вокруг этой суммы вспыхнул столь шумный скандал, какого эсеровская биография Цетлина не знала ни до ни после, это был его единственный финансовый вклад в русскую революцию.

Повторяю, причина того, что Цетлин в конце концов прощен не был, заключалась, конечно, не в книгоиздательском скандале, завершившемся сравнительно тихо, да и вряд ли из-за него он подвергся бы преследованию. Проблема была куда более серьезной: Цетлин жертвовал деньги непосредственно Центральному Комитету эсеровской партии, а это уже был грех совершенно другого порядка. Повлиять на его отмену, прощение и возвращение провинившегося из добровольного изгнания ни ходатайство богатого папаша, ни вмешательство влиятельных лиц были не в силах. И стало быть, рекомендовать царю пересмотреть дело Цетлина полицейское ведомство, конечно же, никогда себе не позволило бы. В то же время, поскольку прошение о помиловании исходило от «серьезных» лиц – толстосумов и подкреплялось просьбами известных в России фамилий, тертые полицейские чины, полагая «удовлетворение ходатайства нежелательным», вели себя в этой ситуации благоразумно-осторожно, не зная, куда может вырлиться дело.

10 апреля 1914 года Джунковский в дополнение к уже отправленному месяц назад в адрес царской канцелярии письму, в котором он давал понять, что «удовлетворение ходатайства его Михаила Цетлина отца в путях МОНАРШЕГО милосердия» угрожает государственным интересам, отправляет новую реляцию. Опираясь на донесение

⁵⁶ Савинков Б. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990. С. 242. Это подтверждает в своих воспоминаниях и другой руководитель эсеровской партии – В.М. Чернов, который, однако, вместо Бориса Осиповича говорит о Дмитрие Осиповиче Гавронском, см.: Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 342.

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Красильникова из Парижа, он перечислял то, что читателю уже хорошо известно, и в заключение вновь резюмировал:

К изложенному имею честь добавить, что, как видно из дел Департамента Полиции, Михаил Еселев Цетлин, скрывшийся за границу и проживающий там до настоящего времени, в 1909 г. жертвовал деньги на нужды Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, почему удовлетворение ходатайства его отца в путях МОНАРШЕГО Милосердия полагал бы нежелательным.

Рисунок из письма Марии Цетлиной мужу от 12 мая 1936 года.

Сбоку приписка: «Количество стрел показывает количество персон, выражающих свою любовь»

О том, что «монаршее милосердие» в данном случае нежелательно, проинформировали барона Г.Г. Врангеля:

Глубокоуважаемый Барон Георгий Георгиевич,
Вследствие письма Вашего от 3 сего Марта имею честь уведомить Вас, что по докладу Господину Товарищу Министра Внутренних Дел Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генерал-Майору Джунковскому обстоятельств дела Михаила Еселева Цетлина, отцом коего Еселем Цетлиным возбуждено всеподданнейшее ходатайство о прекращении уголовного преследования против его сына, Его Превосходительство изволил признать нежелательным удовлетворение этого ходатайства.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подп. А. Васильев

18 апреля 1914 г.

Поскольку личность Цетлина наконец-то была выяснена и было установлено, что именно он являлся источником финансирования эсеровского ЦК, Департамент полиции полагал свою задачу выполненной и распоряжением и. о. вице-директора Департамента полиции А. Васильева от 29 апреля 1914 года «учреждение неотступного наблюдения» за ним снималось как теряющее свое значение. Циркуляр об этом был разослан начальникам губернских жандармских управлений, отделений по охране общественной безопасности и порядка и офицерам-пограничникам Отдельного корпуса жандармов.

На этом данная история кончается, хотя сама тема оказалась далеко не исчерпанной. Из многих, связанных с этой темой эпизодов жизни Цветлина и его братьев я решил остановиться на том, когда – спустя годы – исторические декорации поменялись и продолжение зародившихся в России в начале XX века сюжетов приходилось доигрывать на иных подмостках.

Марина Цветаева в Париже. 1926 год

2. «Люблю богатых!..»

(Ответ Марине Цветаевой?)

В израильском архиве П. М. Рутенберга обнаружился листок с отпечатанным на машинке стихотворным текстом, который, без сомнения, представляет собой ответ на известные стихи Марины Цветаевой «Хвала богатым» (1922). Вот этот текст:

Не по вкусу мне и по нраву
Разбираться в делах частных
И оспаривать чье-то право
Саркастически петь богатых.

Невысокая это участь,
Незавидное испытанье –
Разбиваясь душой и мучась,
Для «греха» искать оправданье.

Это, в общем, смешно и скучно...
Но, взнесенный талантом смелым,
Голосисто, светло и звучно
В небе плавает лебедь белый.

Неколеблем треножник прочный.
Зная правых и виноватых,
Без оттенков, легко и сочно
Нарисован портрет богатых:

С музой творческою недружен,
В дорогие меха наряжен,

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Мир искусства ему не нужен
И голодный певец не важен.

А с высот голубых, безгрешных,
Удивляется Б-г стокрылый
Бездуховности их кромешной
И бескрылости их унылой.

Но напрасны, увы! – старанья
Разграфить эту жизнь, – хоть тресни!
Духа творческого дыханье
И богатым тоже известно.

Упоенье идеей пылкой,
Упоенье борьбой мятежной!..
И не он ли разбил копилки
На свободную жизнь в надежде?!

Не потупив свой взор упругий
И презрев свой венец терновый,
Чтоб живот положить за други,
Он остался в аду суровом.

И Писанья слова вовечно
Никакими незаменимы:
Не судите других беспечно,
И не будете вы судимы.

Напомню – для сравнения – цветаевский «источник»:

И засим, упредив заране,
Что меж мной и тобою – мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честно мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...
И засим, с колокольной крыши
Объявляю: люблю богатых!

За их корень, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растерянную повадку
Из кармана и вновь к карману.

За тишайшую просьбу уст их,
Исполняемую как окрик.

И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят.

За их тайны – всегда с нарочным!
За их страсти – всегда с рассыльным!
За навязанные им ночи,
(И целуют и пьют насильно!)

И за то, что в учетах, в скуках,
В позолотах, в зевотах, в ватах,
Вот меня, наглеца, не купят –
Подтверждаю: люблю богатых!

А еще, несмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну – и трачу!)
За какую-то – вдруг – побитость,
За какой-то их взгляд собачий

Сомневающийся... – не стержень
ли к нулям? Не шалят ли гири?
И за то, что меж всех отверженств
Нет – такого сиротства в мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный насмерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы... Рад бы – Да»...
За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я – брат был»...
Присягаю: люблю богатых!

Об обстоятельствах написания этого стихотворения известно из рассказа М. Слонима, который пишет, что, живя в Праге, Марина Ивановна в 1923–1925 годах часто заходила в редакцию журнала «Воля России» и познакомилась там с Лазаревым. Она ему понравилась, и он сказал ей в своей обычной манере, полушутя, полусерьезно: «“Недаром о белых сочиняете, небось генеральская дочь”. – “Да, – ответила Марина, – но генерал до 12 лет без сапог ходил, как и вы в детстве, Егор Егорович”. В дальнейшем разговоре кто-то упомянул об одной пражской эмигрантке, сорившей деньгами, чудившей, не знавшей, что с собой делать. Мы молчали. “Люблю богатых, – вдруг сказала Марина Ивановна, беря новую папиросу, – мне их жалко”. А через несколько дней прислала мне свою пародийно-саркастическую “Хвалу богатым”»⁵⁷.

⁵⁷ Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Советский писатель, 1992. С. 315. Отмечу некоторое хронологическое несовпадение: М. Слоним говорит о 1923–1925 гг., а под текстом стихотворения стоит дата 30 сентября 1922 г.

Портрет Михаила Цетлина работы художницы Александры Прегель, падчерицы поэта

Нет вроде бы необходимости доказывать, что «Не по вкусу мне и по нраву» представляет прямой выпад в адрес цветаевских стихов, – это демонстрируют многочисленные и бесспорные контрверзы. Не говоря уже о прямых – без обиняков – рефлексиях типа первой строфы: «Не по вкусу мне и по нраву / <...> / оспаривать чье-то право / Саркастически петь богатых», отметим попытку ассоциативно-парафрастически, через парящего в небе лебедя, передать ощущение цветаевской поэзии, мобилизуя для этой цели глубоко внедренный в сознание эмиграции образ лебединого стана (так, напомним, называлась неизданная, но широко известная книга стихов поэтессы о Белой гвардии). Анонимный оппонент Цветаевой, безусловно, намеренно имитирует ритмический пульс ее стихов и финиширует евангельской заповедью («Не судите, да не судимы будете», Матф., 7:1) – в тон и в пику ее строчкам: «Есть такая дурная басня: Как верблюды в иглу пролезли», намекающим на слова Христа: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Матф., 19:24). Ответ – не знаю уж, вольно или невольно – приведен в количественное единообразии с оспариваемым текстом: в нем столько же стихов – 10 строф, 40 строчек, – что и у Цветаевой.

Абрам Гоц

Кто написал этот текст – неизвестно. Хозяин архива инженер Рутенберг хотя и дружил со знаменитыми русскими писателями – М. Горьким, Л. Андреевым, О. Дымовым – и близко знал А. Толстого (добавим к этому кругу менее громкие имена русских литераторов: В. Жаботинского, Б. Савинкова, А. Дикгофа-Деренталя, С. Мстиславского и др.), хотя и вел дневник, местами отличавшийся вполне литературным и более того – пронзительным лирическим слогом, но стихами, насколько мне известно, не баловался. В свой палестинский период, достигнув в 1920–1930-х годах «степеней известных» – став главой электрической компании и президентом ишува (еврейской общины Эрец-Исраэль), Рутенберг превратился в человека состоятельного настолько, что поддерживал газету А. Ф. Керенского «Дни», издававшуюся в Париже, давал деньги многим русским эмигрантам, рассеянным в Европе и Америке, даже имел свой личный самолет. Но вряд ли бы он стал опровергать ходячее мнение – тем более в стихах! – о богатстве как моральной ущербности. Это был явно не его стиль.

Упомянутый в приведенном выше рассказе М. Слонима старый народоволец и эсер-ветеран Е. Е. Лазарев, который близко знал Рутенберга и состоял в переписке с ним⁵⁸, никакого, конечно, отношения ни к тематике, ни к пафосу «ответа Цветаевой»

⁵⁸ Два письма Лазарева Рутенбергу, относящиеся к 1930-м гг., см. в моей кн.: Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю. В 2-х томах. Т. 2. Иерусалим–М.: Гешарим – Мосты культуры, 2008. С. 645–651.

не имел, да и иметь не мог. Здесь, понятное дело, нужна была фигура не просто знакомая со стихами, но и как-то «уязвленная» ими, причем «уязвленная» до того, чтобы ввязаться в полемику.

Некоторую смысловую неясность, наводящую на раздумья, заключает предпоследнее четверостишие «ответа»:

Не потупив свой взор упругий
И презрев свой венец терновый,
Чтоб живот положить за други,
Он остался в аду суровом.

Внутри библейской риторики о презревшем опасность Христе, положившем «живот за други своя» – принесшем себя на жертвенник спасения людей, могут скрываться и иные импликации. Например, черты вполне исторического сюжета об Авраме Гоце, отказавшемся от идеи спасительного бегства в эмиграцию, оставшемся в «аду суровом» и подвергшемся сталинским репрессиям. Именно так мог трансформироваться библейский миф в сознании Михаила Цетлина, писавшего стихи под псевдонимом Амари, который испытывал к Цветаевой в разные периоды весьма амбивалентные чувства. В письме к М. Волошину от 4 февраля 1917 года он отзывался о поэтессе весьма недоброжелательно (впрочем, в том же ряду у него оказывались и Есенин, и Мандельштам):

шев г.Б.Ладженскому и попросим его переговорить с г.Н.Рабиновичем об том, чтобы последний отказался от управления лардесом. Тут же, конечно, возникает вопрос о выборе другого Администратора и о порядке назначения последнего. Надеюсь, что Вы не будете ничего иметь против того, чтобы мы в письме к г.Б.Ладженскому попросили бы его обратиться к Вам за советом и содействием по этому вопросу, за что заранее приношу Вам мою искреннюю благодарность.

С сердечными приветом

Александр С. Цетлин

Фрагмент письма Михаила Цетлина Пинхасу Рутенбергу. Лондон, от 29 ноября 1937 года

Я еще не получил стихов М. Цветаевой и С. Есенина. Жду их с трепетом, ибо успел разочароваться в обоих. То, что печатала М. Цветаева, мне мало нравится, длинно, прилизительно, внешне импровизация «son brío»⁵⁹. И у Есенина чересчур много общего с его сотоварищами Клычковым и прочими «рыбками». Никак не могу себя заставить полюбить Мандельштама, для меня загадка твоя и других людей, мнение которых ценю, любовь к его стихам. Из «тяжести недоброй» он еще не создал «прекрасного», да и тяжести в смысле настоящей вескости в нем мало. Есть ум и еще больше умнича-

⁵⁹ С жаром (ит.).

ЧАЙНЫЙ ДОМ

нья. М. б., я в своем мнении раскаюсь, но... это мое мнение и я его разделяю. Больше, чем М. Цветаеву, хотелось бы мне издать Ахматову, М. Шагинян – из женщин⁶⁰.

Но главное, М. Цетлин, как ближайший родственник и друг, взял на себя в 1930-х годах обязательство следить за тем, чтобы наследственные права Абрама Гоца остались неприкосновенными. С этим связаны два его письма Рутенбергу, сохранившиеся в архиве последнего. С ними, как мне кажется, и связано тайной связью приведенное стихотворение. В книге о Рутенберге, наряду с другими коммуникациями моего героя, показавшимися мне не до конца ясными и расшифрованными, я полностью обошел его довольно обильную переписку с Цетлиным. Сейчас имеется прямой повод познакомить читателей с текстом этих самых двух писем, в которых говорится о наследии Абрама Гоца в Палестине⁶¹.

*23/26 St. Dunstons Hill
London
29 ноября 1937*

Дорогой Петр Моисеевич,
«Пардес»

Хочу Вам сообщить, что 24 сего месяца мы внесли в Англо-Палестинский Банк, Лондон, 1200 фунтов стерлингов и просили, чтобы они телеграфно поручили своему Банку в Тель-Авиве выкупить закладную Бидермана на 1000 франков и перевести эту закладную на имя Англо-Азиатик Ко., Лтд.

Вопрос, поднятый Вами об устранении г. Рабиновича (и его зятя) от управления пардесом⁶², оказался более сложным, чем мы предполагали. Рабинович был назначен администратором пардеса не опекунами, а судом (за отсутствующего А. Гоца), а потому и устранить его без его добровольного согласия будет, вероятно, очень трудно и хлопотливо. Ввиду этого мы и решили прежде всего избавиться от угрозы продажи пардеса с аукциона и перевести закладную Бидермана на имя Англо-Азиатки, если не номинально, то фактически, а именно, чтобы номинально и вторая закладная была на имя Англо-Палестинского Банка. Чтобы провести все это, возможно, придется прибегнуть к содействию г. Рабиновича. Прилагаю при сем копию нашего письма к Англо-Палестинскому Банку для более подробного освещения вышеизложенного.

После перехода закладной Бидермана к Англо-Азиатике мы напишем г. Б. Ладыженскому и попросим его переговорить с г. Рабиновичем о том, чтобы последний отказался от управления пардесом. Тут же, конечно, возникнет вопрос о выборе другого администратора и о порядке назначения последнего. Надеюсь, что Вы не будете ничего иметь против того, чтобы мы в письме к г. Б. Ладыженскому попросили бы его

⁶⁰ Цит. по: Эренбург, Савинков, Волошин в годы смуты (1915–1918) / Публ., подгот. текста, вступит. заметка, закл. и прим. Б. Фрезинского и Д. Зубарева // Звезда. 1996. № 2. С. 189.

⁶¹ Оба написаны на почтовой бумаге «The Anglo-Asiatic Company Limited».

⁶² Цитрусовая плантация. Как говорилось выше, Абраму Гоцу принадлежало несколько цитрусовых плантаций в Палестине.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЧАЕПИТИЕ В ОСОБНЯКЕ ВЫСОЦКИХ

обратиться к Вам за советом и содействием по этому вопросу, за что заранее приношу Вам мою искреннюю благодарность.

*С сердечным приветом,
Ваш М. Цетлин*

Комната Пинхаса Рутенберга в Хайфе

Через некоторое время Цетлин обращается к Рутенбергу еще раз по тому же вопросу:

*23/26 St. Dunstands Hill
London
4 февраля 1938*

Дорогой Петр Моисеевич, в свое время я писал Вам о положении пардеса Абрама Рафаиловича. Знаю, что Вы продолжали интересоваться этим делом и посылали за справками к Б. Д. Ладыженскому. Положение таково, что мы решили отправить в Палестину нашего доверенного – Бориса Борисовича Вольфсона, чтобы выяснить все обстоятельства на месте и постараться уладить. Он сам расскажет Вам обо всем, поэтому я не буду писать Вам подробно. Перед нами 2 задачи: устранение г. Рабиновича и дальнейшая судьба пардеса и его управления. К тому же присоединяется вопрос расчета с Anglo-Palestine Bank.

Борис Борисович заслуживает во всех отношениях самого полного доверия. Он бывший социал демократ, человек очень высоких моральных качеств, очень дельный и энергичный.

Шлю Вам сердечный привет,
Ваш М. Цетлин

ЧАЙНЫЙ ДОМ

Попытки установить, что случилось в дальнейшем с наследственными землями Гоца, пока ни к чему не привели. Работа в израильских архивах ответа на этот вопрос не дала. В известных цетлинских бумагах нужной информации тоже обнаружить не удалось. Не стоит забывать, что спустя без малого два с половиной года после последнего письма, незадолго до нацистского вторжения, семья Цетлиных покинула Париж и отправилась в свою очередную эмиграцию – на сей раз в США, откуда Михаил Осипович в Европу уже не вернулся. Рутенберга не стало в самом начале 1942 года.

Однако касательно того, кто мог быть автором приведенного «ответа Цветаевой», некоторые соображения все же имеются. Полагаю, что именно личность и деятельность Цетлина отвечают необходимым для этого условиям и заключают все «улики», которые могут быть сведены воедино: богатство и одновременно чувство того, что его не стоит стыдиться («Духа творческого дыханье / И богатым тоже известно» звучит едва ли не как защита и оправдание собственного духовного и интеллектуально-го пути); способность выразить свою «обиду» и несогласие в стихах; представление об авторе-визави как о большом поэте («...взнесенный талантом смелым, / Голосисто, светло и звучно / В небе плавает лебедь белый») и абсолютная собственная поэтическая непретенциозность – в противном случае, полагаю, стихи давно стали бы достоянием общности.

По всей видимости, решающим импульсом для их написания явилась судьба Абрама Гоца, напоминание о которой послужило письму Рутенберга Цетлину, где шел разговор о наследственных правах презревшего «свой венец терновый». Поскольку письма эти не сохранились, трудно сказать, проговаривалась ли в них мысль о сложившейся причудливой ситуации: гонимый и отверженный, в полном смысле – пария, Гоц вместе с тем не в фантазиях преследователей и палачей, а на деле имел прямую связь с «загнивающим миром капитала» и сам выступал в качестве «скрытого империалиста». Впрочем, столь понимающим людям, как Рутенберг и Цетлин, не нужно было обговаривать вещи, разумеющиеся сами собой. Исторический абсурд выглядел столь явным, что не видеть и не чувствовать его было невозможно.

Но к размышлению (или к проявлению поэтических эмоций) подводило не только это. Дело не сводилось к единичной судьбе конкретного человека, какой бы трагичной сама по себе она ни была. Хотя помимо приведенных гипотетических замечаний, нет никаких иных доказательств реального цетлинского авторства приведенного «ответа», его возможный, потенциальный характер представляется вполне допустимым. В этом смысле Цетлин-Амари опирался на духовную историю своей фамилии-рода, в которой проблемы собственно финансовые, торговые, промышленные были неотделимы от культурных, просветительских, образовательных, художественных. А те и другие, в свою очередь, сплетались с незыблемыми ценностями еврейской традиционной морали, по которой щедрость и альтруизм почитались столь же высоко, как идеи равенства и свободы. В этой перспективе строчки о «разбитых копилках на свободную жизнь в надежде» из «ответа Цветаевой» – неважно, относились ли они непосредственно к Гоцу или нет, – резонировали с реальными политическими событиями, в которые оказалось вовлечено третье поколение дома Высоцких. В этом

смысле «ответ» звучал как рефлексивная защита своих – персональных, семейных, поколенческих, национальных, наконец, – приоритетов и идеалов, которые были далеки одновременно и от универсальных стереотипов, и от однозначных и зачастую несправедливых приговоров истории. Доверить эту мысль автор мог далеко не всем, а только тому, чей жизненный путь и опыт в каком-то смысле корреспондировал с его собственным, – столь же, как он, богатому и не только не стыдившемуся этого, но и одержимому «идеей пылкой» и «борьбой мятежной». На мой взгляд, это и объясняет, как и почему цетлинские стихи оказались в архиве Рутенберга.

Пинхас Рутенберг (слева) и крупный еврейский предприниматель Михаил Поляк.

Эрец-Исраэль. Середина 1930-х годов

И последнее. Когда-то А. Горнфельд (под псевдонимом Борис Огрон) в статье, замечательно богатой примерами печатного невежества советских журналистов 20-х годов, привел выражение «Деньги не имеют запаха» с приписанным ему неожиданным авторством: «Из завещания Горация Соломона Ротшильда». В непринужденном и не лишенном изящного остроумия комментарии к этой нелепой выдумке А. Горнфельд писал:

Автор, конечно, сочинил своего Ротшильда, но напрасно он прикрыл никогда не существовавшим Горацием Соломоном подлинного автора изречения, который тоже имеет право на историческое внимание. Ибо пустил его в ход насильник почище всех Ротшильдов: римский император Веспасиан, который в своем государственном грабительстве дошел до того, что установил налог на отхожие места (они назывались потом во Франции *vespasiennes*).

И далее автор приводил красочный рассказ Светония и Диона Кассия о том, что, когда наследник Веспасиана Тит воспротивился столь гнусной форме государственной экономики, «отец ткнул ему под нос первые полученные от сортирного сбора деньги и спросил: “Воняют?”» – на что спасовавшему перед столь неотразимым аргументом сыну ничего не оставалось, как пролепетать: «Нет». «А ведь они из мочи», – энергично завершил этот спор отец. «Так или иначе, – заключает А. Горнфельд (Б. Огрон), – “*rescunia non olet*” (“деньги не пахнут”) можно считать пословицей, которую приводить позволительно, не приписывая кому-либо»⁶³.

⁶³ Огрон Борис А. Горнфельд. Беспризорные цитаты // Звезда. 1929. № 5. С. 173.

Горнфельд, разумеется, заметил («Автор, конечно, сочинил своего Ротшильда»), но не стал развивать любопытную аберрацию своего незадачливого оппонента: Горация Соломона Ротшильда воистину никогда на свете не существовало. Этот призрак богача, естественно, еврея, контаминирован из имен разных людей, предположим, из барона Горация Гинцбурга и Соломона (Шломо) Майера Ротшильда, одного из сыновей основателя банкирского дома Ротшильдов Майера Аншела. И не просто контаминирован, но возведен в ранг символа, своего рода эмблемы еврейского «золотого тельца», вызывающего разные чувства – от злобы и зависти до ядовитого сарказма и иронии.

Цетлин (если автором стихов был он) писал не о Ротшильде, не о «еврейском Крезе», критически воспринимаемом извне, а о еврейском богаче, воспринимаемом изнутри, о себе самом. И этот исповедальный опыт представителя класса «сытых», – возможно, не претендующий стать литературным портретом, но интересный как с психологической точки зрения, так и тем, что облечен в поэтическое слово, – без сомнения, достоин всяческого внимания.

Как правильно заваривать китайский чай

В этой статье мы предлагаем вашему вниманию разные варианты (в том числе и упрощенную технологию) правильного заваривания китайского чая высокого класса. Это поможет вам получить максимальное удовольствие от чаепития и раскрыть наилучшие свойства чая наиболее полноценно – аромат, вкус, послевкусие, воздействие.

Эти простые правила актуальны также и в условиях, когда провести полноценное китайское чаепитие не представляется возможным.

Важные аспекты, которые нельзя нарушать:

1. Для чая используется свежая вода первого кипения (кипятить воду один раз до образования слабого волнения на поверхности и небольших пузырей). Важно: вода должна при этом именно вскипеть, а не быть недокипевшей. Крайне желательно чтобы вода была либо фильтрованная, родниковая, либо покупная, хорошей марки (неплохая вода у компаний Архыз, Шишкин Лес, Сенежская и некоторых других). Перед завариванием зелёных, жёлтых и белых чаёв воде после закипания дают остыть до 75-80 градусов. Улуны и пуэры можно заваривать крутым кипятком.
2. Посуда для заваривания должна быть предварительно прогрета кипятком.
3. Чай заваривается многократно, до 5-10 раз по желанию (конкретное количество завариваний зависит от количества сухого листа на чайник, а также сорта чая).
4. После очередного залива чая горячей водой, чай почти сразу разливается по чашкам.
5. Чайный лист после слива чая, остается в чайнике без воды, чтобы избежать перезаваривания.
6. Чай необходимо пить не остывшим
7. Чай максимально раскрывает свои вкусовые особенности, а также приносит максимальную пользу организму только при условии, что все вышеперечисленное соблюдается.

В связи с вышеперечисленным, предлагаем следующий способ действий:

1. вскипятить воду до появления первых пузырьков.
2. Перелить воду в термос.
3. Взять чайник⁶⁴ для заваривания чая (фарфор или глина), или гайвань, объемом равный объему чашек по количеству человек (если чашки объемом 100 мл, чай пьют три человека, значит чайник должен быть объемом 300 мл).
4. прогреть чайник кипятком или на пару, также прогреть чашки и чахай.
5. Сухой чайный лист⁶⁵ для заваривания поместить на красивую тарелочку или в специальную емкость «ча-хэ».

⁶⁴ или гайвань – специальную чашку с крышкой

⁶⁵ количество чая для заваривания зависит не только от объема посуды, но и от сорта чая. В среднем используется 3-6 гр. на 1 заварку проливом (например, зелёных чаёв кладётся около 3-4 гр, а улунов – около 5-6). Но чётких правил нет, поэтому нужно пробовать и экспериментировать, – если вам показалось что чай заварился слишком крепко (стал слишком горьким или чересчур терпким) – положите в следующий раз немного меньше чая, или сливайте более быстро (делайте каждую заварку меньше по времени). Если чай, напротив, заварился слишком слабо – держите его подольше. Досыпать или откладывать

ЧАЙНЫЙ ДОМ

6. Итак, у нас: термос с кипятком, чайник для заваривания (пустой и прогретый), чашки по кол-ву человек (прогреты сухой чайный лист).
7. Высыпаем чай в прогретый сухой чайник для заваривания.
8. Чай заливается водой из термоса и почти сразу разливается по чашкам (или в ёмкость чахай (сливник), если она есть). При этом необходимо проследить, чтобы в чайнике для заваривания не осталось воды.
9. Первая заварка сливается (промывка чая), её не пьют.
10. Далее завариваем чай, ориентируясь на свои вкусовые предпочтения по крепости столько раз, сколько посчитаем нужным.
11. Для удобного заваривания описанным выше методом пролива, можно делать это на чайной доске (чабань).

Примечание: Если вы завариваете прессованный пуэр, имейте ввиду, что он «расходится» немного дольше, чем рассыпной чай. В особенности это касается прессованных «чайных голов» или «комков». Такие чаи стоит подольше подержать при первой заварке. Наиболее полно они раскрываются при варке на открытом огне. Разламывать прессованные пуэры удобно специальным ножом для пуэра, другим притупленным но не слишком тупым предметом или просто руками. При разломе желательно сохранять целостность листа.

Также, существует большое количество способов «быстрого заваривания», с использованием минимума посуды. Такие способы хоть и нельзя назвать идеальными, но тем не менее они позволяют максимально упростить заваривание, когда времени на полноценное чаепитие нет. Наиболее удобный, по нашему мнению, способ (лучше всего подходит для пуэра):

1. Вода кипятится до первых пузырьков
2. Ополаскивается кипятком большой стеклянный чайник (1-1,3 л)
2. Кладётся 10-20 гр. чая⁶⁶
3. Настаивается около 5-8 минут*
4. Через сито проливается только настой (без листа) в термос
5. Далее термос можно взять с собой в дорогу, или пить сразу – в зависимости от текущей необходимости.

Такой способ очень хорош тем, что чай долго остаётся горячим, и при этом не перестывает.

чай в процессе чаепития не стоит – это нарушит процесс чаепития, вследствие чего чай потеряет многие свои свойства. После нескольких чаепитий вы научитесь чувствовать и понимать все нюансы этого процесса.

⁶⁶ в зависимости от сорта, по вкусу.

Заваривание при помощи Типота

Специфика заваривания в Типоте заключается в том, что этот чайник совмещает в себе три предмета используемых в «Чайной церемонии». А именно, чайник чахай и ситечко. Благодаря конструктивной особенности данного чайника, можно правильно заварить хороший чай в условиях офиса или, когда хочется обойтись минимальным количеством посуды и нет времени для длительного чаепития.

Последовательность действий при заваривании чая:

1. Открыть верхнюю крышку и засыпать сухой чайный лист в верхний отсек чайника. (предварительно прогреть чайник, ополоснув его горячей водой).
2. Налить воду нужной температуры соответствующей выбранной категории чая.
3. В соответствии с правилами или по собственному желанию, когда вы почувствовали что чай заварился, нажать кнопку расположенную на крышке чайника. Клапан верхнего отсека откроется и чайный настой переместится в нижний отсек чайника. А чайный лист останется на ситечке верхнего отсека чайника.
4. Готовый чайный настой нужно перелить в отдельную чашечку или чашечки. Далее мы повторяем действия описанные в пунктах 2 и 3. До тех пор пока нам хочется пить или позволяет выбранный сорт чая.

Когда нет возможности использовать вышеперечисленные методы, можно заваривать чай и просто в кружке или в обычном большом чайнике. В этом случае важно уметь словить момент когда чай уже заварился и когда стоит его перелить в другой сосуд, чтобы избежать переставивания, или пить сразу, не давая ему слишком долго настаиваться. Тут уже надо делать всё по ощущениям, научиться чувствовать чай. Но важно понимать, что применение упрощённых способов заваривания не позволяет чаю раскрыть свои свойства полностью. Особенно это касается дорогого чая, – высококачественных улунов, пуэров, белых и жёлтых чаёв.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

אשכולות
КУЛЬТУРНО-РАЗВИВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

